

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

ЧУЖОЕ ЗНАНИЕ

Капитаны русской фантастики

Владимир Васильев

Именем Тьмы. Чужое знание

«Феникс»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

Васильев В. Н.

Именем Тьмы. Чужое знание / В. Н. Васильев — «Феникс»,
2024 — (Капитаны русской фантастики)

ISBN 978-5-222-47613-0

Третья глава увлекательной саги о Темных Иных. Поднимается из пепла магической войны киевский Дневной Дозор, но дни его сочтены, ведь разгорающаяся в мире людей война беспощадна и к Иным. Однако то, что выглядело окончательной точкой, превращается в многоточие. Появление загадочного древнего артефакта открывает новый этап извечной борьбы Света и Тьмы. Традиционно у замечательного фантаста Владимира Васильева повествование отличается неослабевающей динамикой и неподражаемым юмором.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-222-47613-0

© Васильев В. Н., 2024
© Феникс, 2024

Содержание

Пролог	6
Глава первая	10
Глава вторая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Васильев, Владимир

Именем тьмы. Чужое знание

В романе использованы тексты групп «Берег» и «Проспект Мира» (Николаев)

Внимание!

Данный текст написан и опубликован с ведома и разрешения Сергея Лукьяненко, автора мира Дозоров.

© Оформление: ООО «Феникс», 2024

© Текст: Владимир Васильев, 2024

© Дизайн обложки: Владислав Крупинин, 2024

© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock AI Generator / Shutterstock / Fotodom.ru

* * *

*Данный текст созвучен делу Света.
Ночной Дозор*

*Данный текст созвучен делу Тьмы.
Дневной Дозор*

*Комментарии несозвучны.
Без подписи*

Пролог

За окнами вяло шелестел осенний дождь. Правда, этого никто не слышал: окна со стеклопакетами были плотно закрыты. Но кто из нас не знает этот монотонный шорох нарождающейся стыллой осени?

Ноябрь прочно овладел миром, моросило несколько дней подряд.

«Осень, – подумал Швед рассеянно. – Опять осень...»

Он медленно вернулся к столу, привычно сел в кресло и внезапно обнаружил, что делать на работе, в общем-то, нечего. На столе – ни единого документа. В почте – ни единого сообщения. Да и офис практически пуст – даже секретарши на месте нет. На майдан они все поперлись, что ли?

Швед особо не следил за политикой: минувший год промелькнул в делах и заботах. Летом прошлого года ему поручили возродить киевский Дозор, и Швед сделал это. Не сказать, чтобы с блеском, но сделал – со скрипом и прокрутами, набивая шишки и обучаясь на ходу. Уже к зиме возобновилось патрулирование, в полной мере заработал научный отдел, даже в школе появились новообращенные Иные, хотя после инициации Темные всегда обучались неохотно. Ожили Дозоры Харькова, Днепропетровска, Львова, Донецка, Одессы, Запорожья. Вернулся кое-кто из Иных, покинувших Украину за последние пять-семь лет; правда, в основном низшие, молодняк. Швед беспрестанно мотался по командировкам, лишь к следующему лету позволив себе отдышаться и отдохнуть. Но лето промелькнуло, как всегда, быстро, и вот снова осень, снова дождь, снова родимый кабинет в родимом офисе.

Швед начал к нему привыкать, даже иногда оставался на ночь, не возвращался к себе на дебаркадер.

О майдане Швед вспомнил не зря: что-то там опять назревало, как девять лет назад, в две тысячи четвертом, когда Украина резко окрасилась в оранжевое. Но Шведа это заботило мало, и тогда, и сейчас.

Только в половине одиннадцатого утра в смежке хлопнула дверь: явилась Ниночка. Выглядела она, по обыкновению, готично, а уж припорошенная дождевой моросью – так и вовсе.

– Здравствуйте, Дмитрий Александрович! – весело поздоровалась она, заглядывая в кабинет. – Чай, кофе, потанцуем?

– Привет, Нинель, – проворчал Швед. – Я с тобой танцевать боюсь, так что чай.

– Сейчас. Я мигом!

Ниночка, на ходу снимая черный плащ-накидку с алым подбоем («по вампирской моде», – подумал Швед, когда увидел этот плащ впервые), направилась в тупичок с водораздатчиком и кофе-машиной.

Отчитывать секретаршу за опоздание он не собирался: во-первых, сам давал персоналу лишний выходной, а рабочий день после выходных всегда особо тягостен. А во-вторых, все равно никаких срочных дел сегодня не предвиделось. Дозоры – они как сложный механизм с большой инерцией: запустить трудно, но если уж запустил и оно заработало, то дальше только изредка подпинывая, дабы обороты не падали.

Через несколько минут Ниночка вошла в кабинет с подносом. Поднос был старинный, серебряный и в руках готичной дамы смотрелся одновременно и странно, и стильно. Но на Ниночку серебро никак не влияло, поскольку вампиршей она не была, была начинающей ведьмой. Даже нет – ведьмочкой. Поскольку была молода и красива, и это пока не магическая маскировка, а приятная реальность. Приятная, но, увы, недолгая. Даже для ведьм.

– Дмитрий Александрович! – заговорила она, переставляя на стол любимую чашку Шведа и блюдце с выпечкой. – Давно хотела спросить: почему вы меня называете Нинель? Никто меня так не зовет, только вы.

– А почему ты называешь меня по имени-отчеству и на «вы»? – сварливо, по-одесски парировал Швед. – Никто меня так не зовет, только ты! Даже шпана из техподдержки называет просто шефом!

– Шпана из техподдержки может обращаться к вам как угодно, – заявила Ниночка твердо и убежденно. – А хорошая секретарша всегда называет шефа только по имени-отчеству и на «вы». Извините, это школа, это традиции, это закон и этикет западной бизнес-модели, и никто меня не убедит в обратном.

– Я тебя ни в чем убеждать не собираюсь, – миролюбиво сообщил Швед. – А запад нам, между прочим, не указ! Учти и запомни.

– Спасибо, учту. И запомню. Но все-таки... Почему Нинель? – не сдавалась Ниночка.

Швед пристально поглядел на нее, медленно покачиваясь вместе с креслом.

– А ты произнеси наоборот, – посоветовал он.

Ниночка выпрямилась, вопросительно приподняла брови и зашевелила губами.

– Ле... Ленин, – произнесла она с удивлением. – Ленин?

Швед назидательно воздел указательный палец.

– Во всем, – словно лектор при исполнении, торжественно произнес Швед, – буквально во всем присутствует скрытый смысл. Масса смыслов и масса слоев.

Ниночка задумалась.

– Как-то это сложно, Дмитрий Александрович! Сложно и неочевидно. Но я подумаю над этим еще.

– Подумай, – величаво позволил Швед.

Секретарша забрала поднос и упорхнула к своему столу в проходной комнате, не забыв плотно затворить дверь в кабинет шефа.

Как раз вовремя: запиликал входящий вызов скайпа, и ожил экран моноблока, который стараниями настырного Ефима с некоторых пор воцарился на рабочем столе Шведа.

Кликнуть на кнопке «ответить с видео» было делом пары секунд.

– Здорово, кадет, – буркнул вызывавший.

Швед невольно выпрямился в кресле.

– Приветствую, шеф, – поздоровался он и машинально кивнул.

Завулон был мрачен, что само по себе не предвещало ничего хорошего.

– Про Ленина ты очень вовремя вспомнил, – сказал Завулон. – Недолго ему осталось. Особенно тому, который напротив Бессарабки.

– В каком смысле? – насторожился Швед, не понимая, куда клонит московское начальство.

– В прямом, – ответил Завулон, как это он часто делал – веско, непререкаемо и совершенно непонятно. – Хорошо, что ты на месте. Офис у тебя, подозреваю, пустой? Разбрелись все?

– Я выходной давал ребятам, – честно сознался Швед. – Заслужили.

– На майдане, поди, подпитываются? К бабке не ходи – там. – В голосе Завулона практически не оставалось сомнений.

Швед не нашелся что ответить.

Завулон помолчал, потом глубоко вздохнул.

– Ладно, кадет, – заговорил он снова. – Считай, мечта твоя сбылась.

– Которая? – Швед, кажется, начал понимать, что назревает. Недаром в последние месяцы у шефа Дневного Дозора Киева заметно поубавилось работы. А значит, пришло время освободить начальственное кресло для кого-нибудь калибром покрупнее и заслугами пошире,

а самому снова стать простым дозорным, магом второго уровня. В лучшем случае – начальником какого-нибудь отдела.

Весь прошедший год Швед об этом если не мечтал, то уж задумывался – точно.

– Вижу, ты уже догадался, – сказал Завулон. – Приказ придет по почте вечером, но ты его можешь не дожидаться. Берн и Прага вчера ночью утвердили.

– Кому сдавать дела? – поинтересовался Швед. – И когда?

– Никому, – ответил Завулон без тени иронии. – И никогда.

От неожиданности Швед растерялся и глупо заморгал перед экраном. Хотел было переспросить, но вовремя сдержался.

– Персонал распусти, – продолжил наставлять Завулон. – Офис закрой, может, еще пригодится, хотя в этом веке – вряд ли. Я потом распоряжусь, чтобы кто-нибудь путевую защиту поставил, ты все равно не сумеешь. Если у тебя есть какая-нибудь недвижимость в Киеве или на югах твоих любимых – можешь продать, можешь просто бросить, дело хозяйское.

– С украинскими Дозорами опять что-то не так? – осмелился спросить Швед. – Только подняли – и снова?

Ему было обидно. А кому не стало бы обидно: осилить задачу, которая год с небольшим назад казалась неподъемной, поднять, несмотря ни на что, и вот так вот по звонку сверху внезапно все похерить и от всего отказаться?

– Считай, что да, снова, – глухо отозвался Завулон. – Нет больше украинских Дозоров. И Украины скоро тоже не будет. Вообще. По крайней мере – той, которую мы все знали.

Швед, ничего не понимая, ел глазами начальство. Он внезапно осознал, что Завулон выглядит как никогда серьезно и озабоченно, даже обычное его недоброе ехидство загнано глубоко внутрь.

– В общем, я тебе даже не советую, я тебе велю: подбирай дела, обрубай хвосты и уезжай. Никого с собой не тащи, ни Ефима своего драгоценного, ни этого винницкого пьянчугу... как его там? Разве что секретаршу можешь прихватить, ценный кадр... и приятный во всех отношениях.

– Куда уезжать? – устало осведомился Швед. – В Москву?

– Нет. В Севастополь. В следующий раз ты мне понадобишься там. Не так чтобы совсем скоро, но точно понадобишься, лет через несколько. Обоснуйся, осмотришься. Особнячок подбери вроде Кошкиного дома. Уже не вслепую тебе действовать, опыт наработал, так ведь?

Завулон умолк и задумался, глядя куда-то в сторону, мимо экрана. Швед ждал, что еще скажет ему шеф. Долго ждал. До того долго, что вторично осмелился на вопрос:

– А что происходит-то?

Завулон мрачно покосился на него и ответил. Одним словом и нецензурно.

Потом помолчал и добавил:

– Ты новости смотри хоть иногда, что ли... В декабре начнется, в январе припрет, в феврале грянет. Дальше будет лет десять сплошного и непрерывного паноптикума. А потом война. Так что ты не тяни. Закругляйся – и в Крым. Доберешься – дай знать. Нужны будут деньги на недвигу – тоже дай знать. Как обычно, через головной офис, я кому надо распорядился. Все, до связи.

И Завулон сбросил вызов.

Только сейчас Швед сообразил, что даже не успел поставить «полог» перед разговором. И что дверь в кабинет открыта, а Ниночка неподвижно застыла в дверном проеме.

– Когда выезжаем, Дмитрий Александрович? – спросила она без ненужных предисловий, уточнений и эквивоков.

– А ты поедешь? – угрюмо спросил Швед.

– Поеду, – без колебаний ответила Ниночка. – Недвижимости у меня нет, а шмотки найдутся в любом городе. Кроме того, я моря давно не видела.

– Счастливый ты человек, Нинель, – вздохнул Швед с легкой завистью. – Ты сама не представляешь – насколько счастливый.

– Я не человек, – ответила Ниночка. – Я – Иная.

И улыбнулась.

Глава первая

Стоял май, светило солнце, но время настоящего тепла еще не наступило. Недели четыре до него, не меньше. Весна в последние годы почему-то всегда приходила поздно и неохотно, даже в эти южные и благословенные края, и лето, соответственно, тоже.

Швед отпил вина. Напротив, в бухте покачивались на слабой волне катера, яхты, лодочки – все плавсредства, нашедшие причал у берегов Балаклавы.

За десять лет Швед более-менее обжился в Крыму, а еще сильно повзрослел – главным образом морально. Теперь, по ту сторону пятидесяти, многие воззрения себя же тридцатилетнего представлялись смешными и во многом наивными, даже если были верны по сути. В какой-то момент Швед с горечью понял, что тридцатилетний маг времен заварушки в Черной Пальмире давно развоплощен. Да и сорокалетний, поднимавший из руин киевский Дневной Дозор, – тоже.

Миропорядок, как и сто лет назад, без предупреждения дал трещину и пошел крушить людские судьбы направо и налево, и всей магии мира было откровенно мало, чтобы изменить неумолимый ход госпожи Истории. В том, что Швед видел на экране телевизора и в сети, с немалой оторопью узнавались образы и события, воспринятые от старых Иных, когда те рассказывали о тектонических социальных сдвигах первой четверти двадцатого века. И сразу стало ясно, по какой причине Украину загодя покинули практически все сильные и опытные Иные.

Было даже хорошо, что старые связи и знакомства оборвались, а новых как-то не заводилось. Нет, с Иными Севастополя, Симферополя, Керчи и прочих крымских городов и городков Швед время от времени встречался. Почти всегда это были Иные слабее его. Некоторые из них нарушали запрет и вмешивались в дела людские, снова ставшие беспощадными и кровавыми. Некоторые запрет блюли. Сам Швед ни во что не вмешивался, поскольку самостоятельно постиг два главнейших постулата любой гражданской войны: во-первых – на какой стороне ни вой, стрелять все равно придется в своих; и во вторых – если попытаешься взывать к разуму, врагом тебя сочтут обе стороны. Кроме того, он начал сильно подозревать, что пресловутое колесо госпожи Истории легко сбить с накатанного пути только на первый взгляд, даже если обладаешь возможностями и силой Иных.

В общем, Швед склонился к врачебному постулату «не навреди» и ограничивался бытовой помощью беженцам, большей частью херсонским.

А еще он стал много читать, и не беллетристику, как раньше, а книги по истории, разнообразным мемуарам – оказалось, это чтение куда занимательнее выдуманных приключений. Жизнь обычно такого наворотит – никакой фантаст и близко не выдумает.

Первые годы Швед ждал, что вот-вот объявится Завулон, но ожидания эти оказались напрасными. Пока летали самолеты из Симферополя, несколько раз удалось посетить Москву, однако повидаться сложилось только с Шагроном дважды, да с технарями из IT-отдела. Вертушка московского Дозора пребывала в перманентных разъездах.

В Севастополе пришлось сменить несколько съемных квартир, потому что город Швед знал плохо и решил по очереди пожить в разных районах – с целью прочувствовать, где именно ему по-настоящему понравится. В конце концов душа склонилась к окрестностям Стрелецкой бухты и проспекта Гагарина: на улице Щелкунова обнаружили старые двухэтажные домики, живо напоминавшие родной Николаев. Однако там очень редко продавались квартиры, ожидание затянулось, и жилье Швед в итоге так и не купил до сих пор. Зато Ниночка думала недолго и быстро приобрела себе замечательную двушку в «сталинке» на улице Одесской, окнами на парк. Ее выбор Швед горячо одобрил, воодушевился сам и одно время даже ходил смотреть квартиры в центре: на Нахимова, Советской, Большой Морской, Ленина, – но и эти просмотры так ни во что путное и не вылились.

Зато регулярно стали возникать мысли: а может, исследовать Ялту и близлежащие городки? Кореиз, Гаспру, Форос, Симеиз, Мисхор, Кацевели? Исследованием Швед занялся, но до дела опять же так и не дошло: словно мешало что-то внутри. Зато довольно быстро обнаружилось, что Ялты он на самом деле совсем не знает. Настоящая Ялта, оказывается, это не плоские окрестности набережной у самого моря. Настоящая Ялта – она выше, но курортники там практически не бывают, нечего им там делать. И вообще, горные городки и поселки – совершенно отдельная топологическая песня; жителю равнин многое там кажется диким и непривычным. Чувство было забавное.

После Ялты Швед взялся знакомиться с Алуштой, потому что Керчь была далековато, Феодосию он никогда особо не любил, а Евпаторию решил оставить напоследок. Симферополь же, крымскую столицу, рассматривать было бессмысленно: там нет моря. Хотя оперативная однушка в Симферополе, безусловно, была бы весьма полезна.

Видя беспрестанные мучения шефа на стезе поиска жилья, Ниночка на седьмой год в Крыму внезапно открыла агентство по продаже недвижимости. Располагалось оно на первом этаже дома, в котором Ниночка жила, и называлось «Рио». В штат Ниночка набрала, естественно, Иных – и в Севастополе наконец-то появилось некое подобие привычного офиса. Как ни странно, это только снизило поисковую активность Шведа: в конце концов, вполне можно было жить и в агентстве. Там имелось все: и комната отдыха, и удобства, и даже полноценная кухня, куда Швед, конечно же, немедленно притащил любимый боевой казан и незаменимые пचाки, еще в прямом смысле узбекские.

Швед отвлекся от самокопания, отпил вина, рассеянно поглядел на балаклавские волны и вдруг осознал, пронзительно и отчетливо: он уже десять лет в Крыму, но понятия не имеет – зачем он здесь. Цель отсутствовала. Нет, разумеется, был то ли приказ, то ли все же просьба от Завулونا ждать в Севастополе – и как-то совершенно не улыбалось этот приказ-просьбу нарушать.

Скорее все-таки приказ. Иной калибра Завулونا за долгие годы наверняка разучился просить. Особенно тех, кто слабее, глупее, моложе и не имеет достаточно опыта.

Швед в который раз вспомнил тот киевский разговор слякотной осенью тринадцатого года. К сожалению, сбылось все тогда напророченное: и паноптикум, и война. Земной шар в целом и отдельные страны в частности словно сошли с ума, наплевали на приличия и забыли о рамках. А Завулونا все нет, хотя он уверенно предсказал: Швед ему понадобится. Здесь, в Севастополе. Знать бы: зачем? Для чего? Совершенно точно – не Дозор поднимать. Крохотные крымские Дозоры вполне себе работали; изначально присущая обитателям полуострова расслабленно-курортная манера вести дела никуда, естественно, не делась. Любимым словом молодняка было слово «маньяна», а начальства – «потом». Всегда: «Давай потом, а?»

Потом – так потом, Шведу точно спешить некуда...

И, как это часто бывает и у Иных, и у обычных людей, осознание собственной ненужности словно бы подвело итог бесцельному существованию и сдвинуло первый камешек лавины.

Швед прямо тут, в ресторанчике на набережной Балаклавы, так же внезапно почувствовал: что-то грядет. Не сразу, не сию секунду, но в жизни определенно назрели перемены. Возможно, даже презрели.

Сначала он решил, что ощущает близкий телефонный звонок – от москвичей например. Для Иных это не редкость – предвидеть ближайшее будущее, в пределах пары минут. Звонки, во всяком случае, Швед предугадывал уже много лет и всегда заранее вынимал мобильник.

Рука привычно потянулась к сумочке, висящей через плечо. Маленькой: паспорт, мобильник, банковская карта да металлическая мелочь в отдельном кармашке. Больше ничего и не впихнешь.

Однако спустя несколько секунд Швед понял: нет, он ощущает не близкий звонок. Скорее... Скорее встречу.

Самое время повертеть головой, оглядеться.

Подумать об этом Швед успел. Осуществить намерение – нет.

– Не помешаю?

У столика невесть откуда возник мужчина, на вид лет сорока – сорока пяти. Словно из воздуха соткался. Швед готов был поклясться, что к стойке гость не приближался, да и вообще на территорию ресторанчика не входил – с набережной так точно. В принципе, он мог вылезти из воды за спиной Шведа, но это вряд ли: одежда на мужчине была совершенно сухая.

Конечно же, он был Иным. Темным Иным.

– Здравствуй, Дима, – поздоровался гость невозмутимо, словно знал Шведа долгие годы, а сегодняшняя встреча была заранее согласована. – Чудесный день, а?

С этими словами он присел напротив Шведа. Вид незнакомец сохранял такой, будто имеет полное право подсесть за столик к кому угодно, хоть к испанскому королю.

– И вам не хворать. День действительно чудесный, да. – Швед решил принять игру в невозмутимость. Но легкий щит незаметно поставил. Не от прямой атаки – скорее заслоняя собственные мысли.

Заметил ли это незнакомец – Швед так и не понял.

– Меня, как я понимаю, вы знаете, – сказал он. – А я вас – нет.

Иной не производил впечатления сильного мага. Он вообще не производил никакого впечатления в плане силы, но чуть подсказывало: этот из старых и искусных. Не в шортах, легкомысленной майке и шлепанцах – нет, в светлых брюках и рубашке, кажется льняных, светлых же лоферах с плетеным верхом и летней шляпе в тон всему остальному. Он выглядел бы естественно за столиком крымского ресторанчика и пятьдесят лет назад, и сто, и даже сто пятьдесят. А Швед в рваных джинсах, сетчатых кроссовках, легком поло и бейсболке – пятьдесят лет назад еще ладно, а вот больше – уже вряд ли.

– Я – Кондор, – сообщил незнакомец так, будто этой информации было вполне достаточно для любого собеседника. – Как легко догадаться – Иной, Темный.

Он порывистым движением снял шляпу и светски склонил голову.

Когда шляпа вернулась на место, он тем же тоном, каким хвалил сегодняшний денек, добавил:

– Не заскучал ты тут? Сколько лет, как Завулон тебя в Крым направил? Десять?

– Почти. Чуть меньше, – уточнил Швед.

И едва не продолжил фразу: «Так вас Завулон прислал?»

Но вовремя сообразил: вдруг статус гостя таков, что даже Завулон его прислать не может? Мало ли... Поэтому мысль свою сформулировал несколько иначе:

– Так вы от Завулона?

– Можно и так сказать, – ответил Кондор совершенно спокойно. – Даже, наверное, не можно, а нужно.

Разговаривая, он вертел что-то в тонких и длинных пальцах, желтоватых, словно древний пергамент. Это что-то явственно отблескивало, когда на него удачно падал солнечный лучик.

Перехватив взгляд Шведа, Кондор усмехнулся и странно-торжественным движением выложил перед собой на столешницу зеленоватый драгоценный камень, довольно крупный, с перепелиное яйцо. Только неограненный, несимметричный и нешлифованный, и оттого мутноватый и тусклый – но только в сравнении с настоящими бриллиантами. Так-то он исправно искрился и переливался в солнечном свете.

– Нравится? – спросил Кондор; Шведу показалось – ревниво.

– Красивый, – пожал плечами Швед. – Но я в камешках профан, извините.

Подошел официант. К удивлению Шведа, собеседник заказал только минералку, хотя в ресторанчике имелась очень интересная старая «Массандра»; сам Швед пил портвейн «Гурзуф» тысяча девятьсот тридцать седьмого года.

– А Завулон в Крыму появится? – поинтересовался Швед, не особо скрывая интерес. – Я тут действительно несколько... застоялся.

– Ну да, ну да, после вояжа в Петербург и пахоты в Киеве отдых, конечно, нужен, но не десятилетний же! – с готовностью поддакнул Кондор. – Нет, Завулон, я так думаю, в ближайшее время тут не появится. Хотя сие наверняка будет зависеть от результатов твоих будущих действий, каких – сейчас расскажу. Время действительно пришло – и, надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

Швед даже вперед подался, демонстрируя готовность слушать. Оказывается, он и сам до конца не подозревал, до какой степени застоялся и закис. А что Завулон в Крыму не объявился и не ставит задачу лично – ну так и Швед не такого уж высокого полета птица, чтобы постоянно претендовать на подобную честь. Разок-другой случилось, не без этого. Но не постоянно же?

– Роль твоя, Дима, на первый взгляд невелика. Но на данном этапе дела – а дело большое, о-о-о, очень большое! – довольно важная. Есть в Севастополе неприметный дом. В нем – неприметная квартира, много лет пустующая. И там лежит одна вещица, которая еще недавно была никому не нужна, но вскоре может понадобиться многим. Завулон это предвидел, поэтому и направил тебя сюда. Причем очень заранее. Теперь час пробил...

– Значит, всего лишь лошадю поработать... – вздохнул Швед с некоторым разочарованием.

На самом деле он был рад даже такому немудреному поручению. Тем более что дело в перспективе о-о-очень большое, если только Кондор не врет.

– Ты знаком со старым воровским жаргоном? – спросил Кондор, слегка поджав губы.

Кажется, он удивился.

– Немного, – признался Швед. – Про Васю Куролесова, во всяком случае, читал. Что забрать-то надо?

Кондор сделал паузу – показалось, будто он пытается принизить значение неведомой вещи, придать ситуации оттенок обыденности, рутинности даже, однако Швед сразу понял: это не так. Вещь действительно важная.

– Забрать надо книгу, – наконец произнес Кондор. – Старую книгу. Очень старую.

Качнув головой, Швед немного поколебался, но все же задал вопрос, который в данный момент напрашивался:

– Скажите... а что мешает вам вынести эту книгу самостоятельно? Зачем подключать меня?

Кондор усмехнулся, немного театрально, а потом приподнял верхнюю губу.

Обнажились клыки – их трудно было спутать с человеческими.

– К сожалению, – пояснил Кондор через секунду, – хозяин квартиры не приглашал меня в гости...

Причина была веской – Швед не мог этого не признать.

– Странно... Зачем тогда было поручать подобное дело вампиру?

– Вообще-то дело Завулон поручил тебе. А мне – только сообщить подробности непосредственному, так сказать, исполнителю. Опять же – тебе.

Швед снова выдержал паузу, пытаясь найти нестыковки в услышанном.

– Я, конечно, шефу не ровня. Но на его месте я отправил бы в Крым кого-нибудь знакомого. Кого я хорошо знаю.

– Шагрон прямо сейчас в командировке, если ты на это намекаешь, – ни на миг не смутился Кондор. – Но я понимаю твое недоверие. Принимай...

И он, быстро перетасовав Силу, открыл Шведу небольшую часть замысла – пакетом, цельным образом, заменяющим долгие разговоры и объяснения. Где-то там, дальше, в неразличимой мгле Сумрака чувствовалась могучая и неповторимая рука Завулона – магический

почерк шефа Швед узнал мгновенно. Образ создавал именно он, Кондор его только запечатлел и открыл Шведу, когда это потребовалось.

Ну, вот и конец сомнениям. Необычно, что шеф прислал незнакомого вампира. Но он шеф, ему виднее...

А вампир, бесспорно, старый и сильный. Почти наверняка – высший. Хотя нет, даже не наверняка – точно высший. С таким надо поосторожнее, даром что Швед тоже Темный Иной. Это вам не шалопутные молодые кровососы теперешних мегаполисов, пугающие от скуки припозднившихся девчонок. У такого за плечами несколько веков и сотни выпитых человеческих душ.

– Хорошо, – сказал Швед, открывая глаза. – Я понял. Говорите, где этот ваш дом?

– К сожалению, не мой, – с непонятной грустью сказал Кондор. – В данном случае это важно.

Швед не нашелся как это прокомментировать, поэтому промолчал.

– Улица Годлевского, – наконец сообщил вампир. – Дом шестнадцать.

– Годлевского? – повторил Швед, пытаясь понять, слышал он когда-нибудь этот топоним или пока нет. – Где это вообще? Хоть не на Северной?

– Практически в центре. Костел Климента Римского знаешь?

Швед не знал. Даже не слышал никогда ни о каком костеле. Запомнить названия церквей он сколько ни пытался – не мог (за исключением разве что храма Василия Блаженного). Даже в своем родном Николаеве не мог, поскольку ничем религиозным никогда в жизни не интересовался.

Во взгляде Кондора мелькнуло что-то почти неуловимое: то ли жалость, то ли сочувствие.

– Ладно, а бывший кинотеатр «Дружба»? На площади Ушакова?

– О! «Дружбу» знаю! По-моему, там сейчас что-то для верующих открыли. Это он и есть – костел? Католический, говорите?

– Открыли, – проворчал Кондор с некоторой укоризной. – Опять. До кинотеатра это и был костел. Его построили около ста лет назад.

Вампир, все так же лаская пальцами дикий камешек, задумчиво посмотрел куда-то ввысь, подсчитал в уме и сообщил:

– Сто двенадцать, если точно.

– Понятно, – вздохнул Швед. – Я по молодости так далеко в глубь веков не помню, уж извините. Да и вообще я Севастополь знаю неважно.

– За десять лет можно было и изучить.

– Стимул отсутствовал. Вот сейчас и изучу – и про костел, и про улицу... Гон... Год...

Как там?

– Годлевского, – повторил вампир уже почти презрительно. – Запечатлей, если просто запомнить не можешь. Или тебе всю локацию запечатлеть?

– Так запомню!

Шведу стало обидно – но тут он сам, конечно, виноват. Повел себя со старым Темным, да еще вампиром, как с добрым приятелем. Отвык. Размяк. Десять лет ожидания в практически райском месте...

– Дом шестнадцать. В реале там два подъезда, один – с улицы, второй – со двора. Тебе нужен тот, что с улицы, первый.

Почему-то Швед заранее решил, что заходить придется со двора, раз уж и дом, и квартира неприметные. Но, видимо, у старых Иных свои представления о подобных вещах.

– В Сумраке подъездов три, – предупредил Кондор. – Реальные – первый и третий, а второй... Не суйся туда, и все будет хорошо. Просто не суйся. И вообще... Как в квартиру нужную войдешь – сразу прочь из Сумрака и шарь в реале. И уходи потом точно так же. Можешь счесть это оперативной инструкцией с самых верхов.

Швед выслушал это все с некоторым изумлением, но внешне спокойно. Сумеречный подъезд, надо же... Хотя в московском офисе Дневного Дозора даже сумеречные этажи есть. И ничего. А тут всего лишь подъезд.

Кондор тем временем продолжал:

– Номера квартиры я не помню, но перепутать трудно: сразу же как в подъезд войдешь – налево. Не помню не потому, что забыл, а потому, что никогда номером не интересовался. И на двери циферки, скорее всего, нет, учти.

– А защита есть?

– Есть, но слабая. Ты справишься без проблем.

– Как называется книга?

– Никак. У нее нет названия. Собственно, в ней ни текста никакого нет, ни картинок – страницы чистые. Но выглядит она старой. Не в смысле ветхости, а в смысле традиций книгопечатания – эдакий солидный фолиант в солидном переплете. Обложка кожаная, с тиснением в виде нетопыря. Застежка металлическая – рекомендую ее не касаться, особенно в Сумраке и голой рукой.

– А в перчатке?

– И в перчатке лучше не касаться. Бери книгу за уголок, за кожу – и в сумку. Обязательно полотняную и обязательно стабилизированную, лучше всего календулой или полынью. Умеешь?

– Умею конечно! – фыркнул Швед. – Вы уж совсем меня за дерево не держите. И потом, у меня секретарша – ведьма.

– Секретарша? – похоже, Кондор в очередной раз удивился. – Ведьма – оно, разумеется, хорошо... Только будет лучше, если она ничего не узнает. Стабилизируй сам.

– Ладно, – не стал возражать Швед. – Сам – так сам. Время... э-э-э... визита имеет значение? Ровно в полночь, когда силы зла властвуют безраздельно, или когда моей правой ногой захочется?

– Когда будешь готов, тогда и иди. Времени тебе – сутки. Завтра встречаемся здесь же, в это же время.

Произнеся это, Кондор неторопливо вынул из кармана пиджака нечто вроде мешочка-кисета, ослабил петлю на горловине и упрятал свой камешек-гипноглиф туда. Должно быть, в мешочке хранилось что-то еще, вполне возможно – подобные же камешки.

– Хорошо. – Швед слегка кивнул, ожидая, последуют ли еще какие-нибудь указания или уточнения.

Не последовало. Кондор вдруг нахмурился и уставился куда-то в сторону воды: кажется, увидел кого-то на противоположном берегу бухты, на похожей набережной, только без ресторанчиков. Лицо у него стало до крайности озабоченным.

– Не понял! – пробормотал он.

Швед, естественно, тоже повернулся и поглядел в ту сторону, но ничего особенного не увидел. Ну, покачивается на волне катер береговой охраны. Ну, проползла машина в направлении моря. Ну, рыбачок на баркасе перебирает сети. Решительно ничего тревожного!

Он недоуменно повернулся к Кондору, однако стул напротив оказался пуст. И вообще – недавнего собеседника нигде не было видно, ни рядом, ни в отдалении, хотя за такое короткое время никто не успел бы покинуть ресторанчик и пределы видимости даже бегом.

Никто из людей.

Швед вздохнул, покачал головой и потянулся к бокалу с «Гурзуфом».

* * *

Улица Годлевского нашлась на карте именно там, где и говорил Кондор, – недалеко от площади Ушакова. От агентства «Рио» туда было рукой подать: минут пятнадцать ленивым шагом. Швед наспех перекусил тем, что нашлось в холодильнике жилой зоны, куда клиентам вход был заказан. Около четверти часа он потратил, накладывая фиточаи на синюю полотняную сумку с логотипом магазина «Домовой» (удивительно подходящее для ситуации название!), затем вышел наружу и без раздумий свернул налево.

С Одесской улицы он закоулками поднялся на Очаковцев, дальше прошел сперва по Адмирала Октябрьского, потом по Новороссийской, а за улицей Шмидта Новороссийская заканчивалась и начиналась, собственно, Годлевского.

Улочка эта была неширокая и зеленая. Слева за черной металлической оградой тянулся желтый корпус с балкончиками на верхних этажах, похожий не то на маленькую гостиницу, не то на банальную общагу. Справа вскоре тоже встал похожий корпус, только серый – Швед подумал, что тут расположено либо что-нибудь медицинское, либо что-то образовательное. А сразу за этим корпусом нашелся и дом шестнадцать – симпатичный, двухэтажный, под шатровой крышей, середины прошлого века постройки. Именно такие домики покорили Шведа на Щелкунова: среди похожих прошло его детство, хотя родители жили в обычной пятиэтажной панельке по соседству. А детвора гоняла по всем окрестным дворам без исключения, понятное дело.

Для начала Швед решил обойти дом по кругу. Поглядеть, послушать, оценить ауру. И почти тут же, напротив подъезда, куда было и нужно, ощутил слабые следы магии.

По идее, если вход в искомую квартиру – сразу налево, окна левее подъездной двери и есть окна этой квартиры.

Напротив двери Швед задержался.

Правее подъезда на первом этаже был пристроен балкон, опиравшийся на выкрашенные в синий цвет металлические подпорки. Под балконом располагалась дверь в цокольный этаж, к которой сбоку спускалась узкая лесенка. Окна цокольного этажа виднелись и левее подъезда – их отделял от узкого палисадничка невысокий, по колено примерно, железный релинг. Поверх релинга был обустроен наклонный навес, защищающий от дождя. Выше его виднелись два узких вертикальных оконца – теоретически это было одно окно, почему-то разделенное на две независимые части.

А еще левее таких оконце было аж шесть: три в ряд, а над ними еще три. Нижняя троица по высоте раза в полтора превосходила верхнюю, а оба центральных были раза в полтора шире боковых. И это при том, что любое из этих оконце по отдельности выглядело крошечным, а в сумме они занимали площадь всего одного – правда, довольно большого – окна. Кроме всего прочего, абсолютно все окна прикрывались металлическими решетками с легким намеком на художественность: присутствовали декоративные завитушки. На шестерку окон решетка была большая, общая, а на пару правее – своя на каждое оконце.

Швед хмыкнул и поглядел выше.

Надо всем этим фестивалем окошек нависал довольно широкий балкон; насколько было видно – в квартире выше этажом стояли самые обычные стеклопакеты. Да и вообще остальные окна в доме выглядели обыкновенно: двустворчатые, с глухими верхними фрамугами и малюсенькими форточками, размером чуть больше книги стандартного формата.

Такие окна и форточки тоже напоминали детство.

Двери подъезда были распахнуты настежь, словно приглашая не тянуть, сразу войти. Швед поразмыслил и решил вокруг дома все же не ходить. Смысла в том все равно особого не было.

Швед повертел головой, оглядываясь: улочка казалась тихой и безлюдной, невзирая на близость к центру. Из тех, на которых встретишь больше автомобилей, чем пешеходов.

Ничьих лиц в окнах он также не заметил, да и большинство окон были заслонены зеленым маревом свежей листвы.

Швед ушел в Сумрак. Исчезли яркие цвета и все звуки. Дом стал выглядеть строже и целее – полуобвалившейся местами штукатурки, во всяком случае, теперь не было видно. Из всех шести оконцев нужной квартиры пробивалось слабое серое, с намеком на синеву, свечение. Соседние два вертикальных казались темными, такими же, как и окна прочих квартир. Наверное, дверь в это помещение плотно закрыта, решил Швед. А светится нечто, находящееся в комнате с шестью оконцами.

А вот ничего похожего на дополнительный сумеречный подъезд с улицы видно не было. Вероятно, все это во дворе. Или с торца дома, куда Швед пока еще не ходил.

Преодолевая сопротивление Сумрака, он вошел в подъезд, с некоторым усилием поднялся по лестнице в десять ступеней и остановился перед дверью. Очень отчетливо чувствовался стылый металл двух закрытых замков: они явно не отпирались много лет. Синего мха на стенах почти не было – так, жалкие клочки под самым потолком. То ли нечем ему тут питаться, то ли его периодически чистят, тщательно подтирая магические следы чисток.

Коротко глянув на двери квартиры напротив (вообще ничего интересного или потенциально опасного), Швед сосредоточился на охранной магии перед нужной квартирой. Разбирался он минуты полторы.

Защита и впрямь не была ни сильной, ни изощренной. Скорее она походила на примитивный щит против обычных людей, включая воришек-не-Иных. Ставилась защита вроде бы магом сравнимой со Шведом силы.

Но в магии все часто совершенно не такое, каким выглядит на первый взгляд. Поэтому Швед не спешил и был предельно осторожен. Для начала он тихонько сбросил охранную петлю и поглядел, что произойдет.

Не произошло ничего примечательного: петля автоматически встала на самовзвод после одного пустого цикла. То есть Швед теоретически мог входить, отработав этот самый безопасный пустой цикл. Практически же следовало поискать дополнительные сюрпризы. Дециметр за дециметром, шаг за шагом сканировал он все узелки, к которым возможно было привязать охранные заклинания, и ничего значительного не находил. Нашел одно непонятное – прикрученный наскоро кем-то бустер, завязанный на недельное хроно: каждую среду от заката до рассвета сила охранной петли удваивалась. Причем петлю и бустер ставили разные Иные и в разное время – бустер был, понятное дело, моложе. Значительно моложе.

Поразмыслив, Швед прикрылся самым крепким щитом, какой мог себе позволить, задержал дыхание и прошел сквозь дверь. На миг стало темнее, только на миг.

Ничего плохого не произошло. За спиной коротко перетекла Сила и исправно взвелась охранная петля. Изнутри было особенно хорошо видно, что она заточена не пускать гостей из подъезда в квартиру. Обратный путь, насколько можно было судить, оставался безопасным. Но Швед заранее решил, что уйдет как-нибудь иначе: сквозь стену или через окно, и желательно во двор, а не на улицу. Иным порою не грех брать пример со сталкеров и не возвращаться той же дорогой, какой пришел.

Он вынырнул из Сумрака и осмотрелся уже в обычном мире. В коридоре было темно и пыльно. Прямо у входа слева располагалась внутренняя дверь – в туалет. Следующая вела в неожиданно просторную ванную комнату. Именно ванной принадлежала пара вертикальных окон, замеченных снаружи. Собственно ванны тут не нашлось, зато нашлись вполне современная душевая кабина, стиральная машина и гладильная доска. Ну и раковина-умывальник тоже, само собой.

«Душевая кабинка, – подумал Швед с сомнением. – Стиралка. Вполне современная. А кто-то говорил, будто эта квартира закрыта и стоит пустой много-много лет...»

Напротив ванной, справа от входа, помещалась первая из комнат, более всего походившая на кабинет. Прямо – кухня-столовая с теми самыми шестью оконцами в два уровня. Из этого помещения направо открылась еще одна комната, последняя, с большой кроватью чуть ли не на всю площадь и, чему Швед удивился, вторым выходом из квартиры. Вместо простого окна тут обустроили нечто вроде балконной двери: правая створка в виде обычного окна с подоконником, левая – створка-дверь во весь рост. Только вела эта дверь не на балкон, а прямо во двор, на небольшую асфальтированную площадку у дома, на полметра заглубленную в грунт по сравнению с общим уровнем двора.

Пыли везде скопилось очень много. На полу она выглядела нетронутой – единственные видимые следы оставил только что сам Швед. Поскольку ни в комнате с кроватью, ни в кухне-столовой ничего похожего на книжный шкаф он не отыскал, вернулся в первую комнату, которую принял за кабинет – в силу того, что там стоял письменный стол. Старый, но не древний – шестидесятых, наверное, годов. Любой советский школьник за таким когда-то делал уроки; Швед – не исключение. В родительской квартире остался почти такой же.

Книжный шкаф нашелся в углу – увидеть его сразу мешала межкомнатная дверь. В открытом положении она шкаф попросту заслоняла. Поэтому добраться до него можно было, только войдя в комнату и затворив дверь. Швед так и сделал, оставшись один на один с комнатой-кабинетом.

Самым странным было то, что вблизи не ощущалось никакой остаточной магии. По логике старая и явно не самая простая книга должна была светить в Сумраке, будто прожектор портового маяка во тьме ночной, а в обычном мире эманировать так, что уж маг второго уровня (на пиках даже первого) это точно почувствовал бы. Но Швед не чувствовал ничего. Абсолютно ничего. Во всей квартире к магии имели отношение только два заклятья на входных замках.

Существовала, конечно, еще одна возможность. Что маг экстраординарной силы, сравнимый с Завулоном или Пресветлым Гесером, сотворил тут нечто такое, что Шведу и не по силенкам, и не по знаниям. Это вот основное Швед и равные ему по силе маги точно ни в жизнь не ощутили бы. Но зато вторичные следы могучих заклинаний пробивались бы в Сумраке, как свет из-под закрытой двери.

Однако в целом квартира ощущалась так, словно никакой магией дальше входа тут давным-давно не пахнет.

На всякий случай Швед еще раз сходил в Сумрак. И даже попытался уйти еще ниже, на второй слой – не очень, впрочем, настойчиво. У него не получилось. А когда-то ведь получалось: в первый раз – от испуга, а потом пару раз нарочно, хотя и не очень уверенно. Размяк, обленился, потерял форму. Это неприятно удивило и, конечно же, огорчило.

Действительно расслабился он тут, в Крыму. Надо бы взять себя в руки и потренироваться хотя бы пару лет – главное, чтобы регулярно.

Потом Швед вручную пересмотрел книги в шкафу – все до единой. На всякий случай соблюдая осторожность, касаясь каждой только с верхнего торца.

В шкафу искомой старой книги не было. Сто процентов. А во всей остальной квартире ни одной книги вообще не нашлось, хотя Швед был прилежен и потому заглянул и в дубовый шифоньер в соседней комнате, и даже в кухонные шкафчики.

Бессистемно послонявшись по квартире еще минут десять и наугад заглядывая в самые немислимые места (например во входной электрощиток), он окончательно уверился: в этой квартире книги, о которой рассказал Кондор, нет. Совсем нет. Отсутствует. И никаких следов ее тоже не наблюдается.

Убедившись в этом, Швед решил уходить. Как и наметил с самого начала – другим путем, во двор. Перед белой стеклопакетной дверью он благоразумно задержался, но, что его в очередной раз удивило, тут никакой магической защиты не стояло. Совсем. Даже простенькой петли, как на двери в подъезд.

Наверное, это должно было что-нибудь означать, но Швед никак не мог сообразить – что именно. Тихо матюгнувшись сквозь зубы, он канул в Сумрак, прошел сквозь дверь, сквозь решетку и оказался во дворе, маленьком и тихом.

Из-под ног бесшумно шарахнулась кошка.

Он поднялся по очередным ступеням, покидая нишу перед домом, и уже там, наверху, оглянулся. Дверь, сквозь которую он только что прошел, потемки внутри покинутой квартиры и около дома – ничего не вызывало ни малейшей тревоги, все вокруг словно вымерло и замерло. И во дворе тоже было пусто, ни души. Ни в Сумраке, ни в обычном мире. Разве что кошка. Но у кошек вроде бы нет души. Жизни – да, жизнью девять. А душой создатель обделил.

«М-да, – скептически подумал Швед. – Интересно, как и кто все эти якобы истины выяснял – и про душу кошачью, и про жизни. Вращаемся в мире баек и суеверий. И ладно бы еще люди так жили – но ведь и Иные живут точно так же! Велика ли между теми и другими разница, если отбросить использование магии?»

Но как ее отбросишь? Кто хоть раз вкусил ее сладких плодов – вовек не откажется. И плевать, что ночь темна и полна ужасов, искушение магией все равно сильнее любых страхов.

Швед уже нацелился выйти в реал и окончательно уходить, но вспомнил о сумеречном подъезде. Отступив шагов на пять и внимательно всмотревшись, он наконец понял, о чем речь.

Правее заглубленной площадки, с которой Швед только что поднялся, виднелась еще одна, похожая. И, кажется, дверь там тоже была, внизу, в непроглядной мгле. Сумеречный подъезд, площадка перед ним, прилегающие части стен – все это тонуло в такой густой иссиня-черной тени, что рассмотреть подробности было невозможно. Выглядело это достаточно зловеще, чтобы совет Кондора не соваться туда показался исключительно мудрым и невероятно здоровым.

Швед поспешно вышел из Сумрака и в последний раз огляделся. Двор как двор, припаркованные автомобили да буйная по маю южная зелень.

И он пошел прочь, невольно обдумывая ситуацию, в которую внезапно угодил. Не нашлось ведь книги! Неужели Кондор врал и нужно ему было нечто совсем иное? Или вампир действительно надеялся, что Швед благополучно добудет и вынесет книгу, порадует и его, и, наверное, Завулону, который, как всегда, держится где-то поодаль и с интересом наблюдает, как другие таскают каштаны из огня?

Швед с неожиданной тоской и остротой ощутил, как ему не хватает Лайка. Опытного, всезнающего... и сильного. Такого, что и Завулону его, не исключено, по-своему побаивался. Не в прямом смысле, конечно, а в том, что не всякую дыру решился бы им заткнуть, хотя лет двадцать назад киевская команда, в которую неожиданно зачислили молодого и мало что умеющего и понимающего Шведа, несколько раз знатно пошумела. И в Питере, и в Барселоне, да и чуть позже в Ашхабаде тоже, даром что туда команда Лайка ездила в несколько усеченном составе.

В целом московская верхушка часто полагалась на Иных из периферийных Дозоров – особенно там, где в процессе могло неслабо прилететь. Либо по магии, либо от европейских чинуш, по административке. Но, нельзя не признать, прикрывали всегда добросовестно, так что таскать из огня каштаны для суперов молодяку было очень интересно и в каком-то смысле почетно.

А вот с книгой сегодня вышло криво и неловко. Кондор может решить, будто Швед затеял какую-нибудь грязенькую игру и вознамерился добычу придержать. Открыться при разговоре, разумеется, не проблема, но открываться старому вампиру – не лучшая идея в мире.

Особенно когда до Ивана Купалы остался от силы месяц и магией пропитывается, кажется, даже сам воздух.

Швед вернулся по Годлевского на Шмидта и повернул направо, к площади Ушакова.

На Севастополь медленно оседал теплый майский вечер. Небо постепенно темнело, на нем еле-еле прорезались звезды, безнадежно проигрывающие оптическую схватку с городской иллюминацией.

Машинально свернув на Большую Морскую, Швед вдруг понял, что проголодался; а еще сильно хотелось пить. Взгляд сам собой остановился на вывеске «Барабуля-бара».

«А что? – решил он, воодушевляясь. – Пиво с жареной барабулькой – именно то, что нужно озадаченному Иному ранним вечером!»

И он решительно ступил на зебру, благо на светофоре как раз вспыхнул зеленый.

* * *

Уснул Швед далеко не сразу, даже несколько бокалов пива не помогли – обычно после пива засыпалось легко и вольготно. Но сегодня никак не удавалось отрешиться от подробностей визита в дом на Годлевского.

Как-то все было не так. Швед никак не мог понять, что именно не так, но чутье подсказывало: где-то что-то в нынешней истории не вяжется.

В любом случае утром придется ехать в Балаклаву и убеждать Кондора, что книги в квартире не оказались. Поверит? Не поверит? Скользкий вопрос.

Вроде бы и вины Шведу чувствовать не с чего. Однако глодало его изнутри, настырно и неотступно, словно нашкодившего пятиклассника перед кабинетом директора школы.

В конце концов он отключился; снилось что-то тревожное и неприятное, но подробностей в памяти не осталось, только ощущение близкой беды, к счастью, не очень глубокое.

Проснулся он разбитым, нельзя сказать, что совсем уж невыспавшимся, но с явным и бесспорным недосыпом.

«Вот напасть! – подумал Швед с неудовольствием. – Свалилась же на голову работенка! Десять лет скучал, десять лет ждал – и на тебе, получи и распишись. Лучше бы и дальше скучал...»

По-хорошему, следовало посетить удобства и завалиться спать дальше: не исключено, что утром получится наверстать все не добранное ночью. Но тогда он опоздает на встречу с Кондором, а этого допустить было никак нельзя.

Поэтому Швед вяленько собрался, испил чаю и поплелся на Большую Морскую, на траверз кинотеатра «Победа», ожидать девяносто четвертую маршрутку-топик. В полусонном состоянии дождался, повисел до Острякова на поручне, а потом удалось занять сидячее место у окна, отчего он стал совсем уж откровенно задремывать. Наверное, так и продремал бы до самой Балаклавы, однако перед пятым километром в кармане внезапно тренькнул мобильник.

Обычно Швед чувствовал входящие звонки за несколько секунд до вызова, но сегодня мобильник натурально взбудрил.

Вскинувшись в кресле, он выдернул трубку из кармана. Поставил «полог», провел ладонью по лицу, отгоняя сонливость, и только потом произнес:

– Слушаю!

Швед сразу почувствовал: это Кондор. Спроси, как именно почувствовал, – не смог бы объяснить. Просто в какой-то момент стало очевидно: это Кондор. И все.

– Едешь? – требовательно спросил вампир.

– Еду. Минут двадцать еще.

– Везешь?

«Вот оно, – подумал Швед с досадой и болезненно поморщился. – Процесс доказывания, что ты не верблюд, начинается...»

– Нет, не везу. Пролет случился, понимаете ли...

– В смысле? – насторожился вампир.

– Не было ее там. Искал хорошо, все обшарил. Пусто.

Кондор некоторое время молчал. Швед ожидал, что он рассердится, станет раздраженно переспрашивать, однако этого не произошло. После короткой паузы Кондор неожиданно спокойно поинтересовался:

– Домик Юсупова знаешь? На другой стороне бухты, вглубь.

– Слышал, но не бывал. Хотя в целом представляю, где это.

– Сегодня, как стемнеет. В тот самый час, когда силы зла властвуют безраздельно. Будь там.

И вампир сбросил вызов, не дожидаясь ответной реплики.

Швед отнял трубку от уха и мельком взглянул на экран: номер, как ни странно, определился. По изначальному префиксу – питерский «Билайн», а чего там с ним ныне – гадать бесполезно.

Разговора окружающие не слышали, что естественно, но видеть им ничто не мешало. Как обычно, не обошлось без пары-тройки косых взглядов разной степени презрительности. Да, человек с кнопочным телефоном по нынешним временам стал анахронизмом, но Шведу было плевать. К смартфонам он так и не привык. Уже и Ниночка прекратила его подзуживать по этому поводу: смирилась, видимо.

Топик свернул направо, к остановке перед «огурцом» – автомобильной развязкой на Балаклавском шоссе, местной достопримечательностью. Тут же, кстати, располагался и здоровенный вещевой рынок.

Спешить в Балаклаву теперь не имело никакого смысла. До полуночи еще прорва времени. Можно было спокойно выспаться, встать сильно после обеда и не торопясь стартовать... так нет же, рванул. И, разумеется, впустую. Досадно!

«А наведуся-ка я пока к Сидорову!» – внезапно решил Швед, вскочил с сиденья и скорее метнулся к выходу, пока двери открыты и топик не тронулся.

Сидоров жил за кладбищем Кальфа, на бывшей даче, а ныне частном домике, умеренно запущенном, посреди участка на четыре сотки, столь же умеренно заросшего сорняками. Обитал он в компании жизнерадостной мохнорылой псины и пары мизантропических котиков, поскольку общества Сидорова никто, кроме зверушек, сколько-нибудь продолжительное время вынести не мог.

Швед зашел в придорожный магазинчик, закупились снедью и выпивкой, потом дождался двадцать пятую маршрутку и минут через десять вышел напротив кладбища: от «огурца» ехать было всего ничего, пару остановок.

Кладбище было старое, заросшее, но ни в коем случае не заброшенное. Швед время от времени заезжал к Сидорову и все десять лет бывал здесь довольно часто. Предстояло уйти от главной аллеи, срезать угол и в конечном итоге на задах пролезть в дыру в заборе. А кладбищенский забор от домика Сидорова отделяло всего-то метров триста чистого поля. В непогоду тут, разумеется, возникала непролазная грязь, грузовик застрянет, но по сухому идти было одно удовольствие. Швед шагнул, распугивая кузнечиков, вдыхал ароматы южных трав, слегка подпорченные нотками свежего навоза: местные даже коров держали. И коз тоже.

Еще на подходе стало понятно: у Сидорова гости.

В покосившейся беседочке сидели хозяин и незнакомый парень лет тридцати – тридцати пяти; на столе возвышались несколько бутылок вина, пара пустых стояла рядом со столом на земле. Жизнерадостная псина тоже сидела на земле, мордой к столу – елозила хвостом, подметая пыль, дожидаясь чего-нибудь вкусенького.

В принципе, гости у Сидорова не считались такой уж редкостью. Захаживали иногда. Можно даже сказать – регулярно. Не в одиночку же Сидорову пить? Некоторых Швед знал, некоторых – нет. Сегодняшнего – не знал, и в этом тоже не было ничего удивительного. Удивило Шведа другое.

Незнакомый парень был Иным. Темным Иным. Судя по ауре – магом. При том, что сам Сидоров был обычным человеком и о существовании Иных ни Швед, ни кто-либо еще ему никогда не сообщали.

– О! – обрадовался Сидоров. – Швед! Вовремя ты!

Сидорова Швед знал еще по прошлой, украинской жизни. Когда-то Сидоров жил в Луганске и руководил небольшим частным издательством, выпускающим в основном фантастику, а читать фантастику Швед с детства очень любил. На том и познакомились. С началом войны Сидоров, как и многие, откочевал в Крым, в Севастополь, поскольку тут имелись общие знакомые по той же фантастической тусовке. Издательские дела с некоторых пор шли не очень: в смутные времена людям не до книг. Многим просто прокормиться бы. Швед знал, что полиграфия сидоровская продается ни шатко ни валко; возможно, Сидоров с ней вообще завязал и перебивался то ли редактурой, то ли чем-то подобным. Поэтому в гости к нему Швед всегда ходил не с пустыми руками, а с провиантом, да с таким расчетом, чтобы не все схарчить во время посиделок, а чтобы и хозяину осталось на пару-тройку дней. Выпивка после посиделок почему-то не оставалась никогда; напротив, все время приходилось бегать за добавкой, благо прямо на территории бывших дач предприимчивые аборигены организовали нечто вроде торговой палатки широкого профиля а-ля начало девяностых, где продавалась всякая всячина, от ликера «Амаретто» до игральные карты и презервативов. Ликерами, впрочем, в упомянутой палатке не торговали, зато водка, вино и пиво наличествовали в ассортименте.

– Здорóво!

Швед поручкался сначала с хозяином, потом с гостем – крепеньким и кряжистым, практически квадратным мужичком с моряцкой татуировкой-якорем на левом плече.

– Знакомьтесь! Это – Паша! А это – Швед!

От внимания Пашки явно не ускользнул тот факт, что Швед прореагировал на якорь.

– Не моряк ли? – в лоб, без затей поинтересовался гость.

– В какой-то мере, – не стал юлить Швед. – Яхтсмен.

– О, так за это надо! Но только после того, как выпьем за знакомство!

Сидоров уже наливал, материализовав откуда-то третий стакан – классический советский гранчак. Швед тоже такие любил.

Пили обыкновенный, даже не марочный портвейн Солнечной Долины. Как раз идеально подходящий к стаканам.

«Елки-палки, – расчувствовался Швед. – Прямо как в школьном дворе перед выпускным...»

Выпили и за знакомство, и за хозяина, и третий за тех, кто в море, ясное дело. Ну а дальше все пошло по классике. Говорят, что, если два военных, пусть даже они видят друг друга впервые в жизни, за четверть часа не обнаружат общих знакомых – значит, один из них стопроцентно иностранный шпион. С моряками, чтоб вы знали, та же фигня.

– Из Керчи? – ответил Швед на очередной вопрос. – Конечно знаю! Юру Алексина, например, на водолазе старпомом когда-то был. Сейчас, небось, уже капитанит!

– Точно! Капитанит! Только не на СБ-4, а на РВК теперь, это тоже водолаз. Внутренний позывной – крейсер «Неподвижный»!

Пашка от души заржал. Швед тоже засмеялся:

– Чего, давно в ремонте?

– Да там перманентный ремонт! Как завещал Жванецкий!

Пашка снова рассмеялся – весело, с готовностью.

– Я сам больше на лоцман-боте. Он, хвала Посейдону, поновее, ни одной капиталки еще не пережил.

– Так это ж хорошо, – вздохнул Швед. – На новой посудине оно всегда приятнее...

Тут он вспомнил еще одного керчанина:

– Да, еще в портофлоте радиста одного знал, на косе как-то отдыхали в палатках. Андрей Старов его зовут, – сообщил Швед и потянулся к нарезанному дольками яблоку, загрызть приятное. – Только я его давно не видел, с десятого года, как мы вокруг Крыма проехали каботажкой.

– Старов? На косе? На «Комариной Плеши», что ли? – немедленно оживился Пашка.

– Да! Там фантасты собирались несколько лет подряд.

– Е-мое, так я там тоже бывал! Я и сам Старов, чтоб ты знал. А Андрей – мой брат. Старший.

Швед даже жевать перестал. В целом все сходилось: насколько он помнил, Андрей не раз упоминал, что у него есть брат, и вроде бы даже имя называл. Но чтобы вот так внезапно встретить человека, бывавшего на «Плеши»...

Андрей Старов Иным точно не был. С ним Швед общался довольно плотно, и не один год. Никаких признаков. Но вообще это не было редкостью, когда у одного из братьев обнаруживались задатки Иного, а у другого – нет. Кроме того, даже обычного человека мог инициировать низший Темный – чаще всего вампир или оборотень. Но Паша был явным магом. Пожалуй, старый высший вампир (вроде того же Кондора-Юсупова) или оборотень уровня реликта Хены смог бы притвориться Иным слабее Шведа. Но не магом же?

Нет, с Пашкой явно не тот случай. Он врожденный Иной-маг, добровольно склонившийся к Тьме. Довольно слабенький, уровня примерно шестого-пятого. Швед в момент инициации был таким же, но тогда ему еле-еле исполнилось десять лет от роду. К совершеннолетию Швед окреп и телесно, и магически, а годам примерно к тридцати вплотную подобрался ко второму уровню Силы, который в дальнейшем иногда перешагивал – сумел же он как-то прорваться на второй слой Сумрака? Туда прорваться – это честный первый уровень, выше только маги вне категорий и Великие. Есть чем гордиться. И есть куда расти.

Что же до дня сегодняшнего – иностранными шпионами ни Швед, ни Пашка Старов совершенно точно не являлись, за что все немедленно и прилежно выпили.

Вскоре Сидоров удалился на кухню – настрогать и разложить по мискам принесенные Шведом копчености, овощи и хлеб. Дебелого бройлера Сидоров самостоятельно раздирать на части не решился – так и принес в итоге на блюде целиком, кверху окорочками. Но пока хозяин отсутствовал, Швед успел перемолвиться с Пашкой на запретную для людей тему.

– Брат твой Иным не был, – заметил Швед негромко. – Давно тебя инициировали?

Пашка изменился в лице и поставил на стол стакан.

– А... ты тоже?

Швед не носил сколько-нибудь действенной защиты, но, как оказалось, банальной «сеточки» от случайного чужого воздействия оказалось достаточно, чтобы начисто заслониться от Старова-младшего.

– Как видишь... – Швед пожал плечами.

– Меня – года три назад, – сообщил Пашка торжественным полусшепотом. – Есть один знакомый. Актер в нашем театре. Никогда бы не подумал, что он... такой. Есть, говорит, в тебе задатки, давай с интересными людьми сведу? А мы тогда как раз сидели побухивали, точь-в-точь как сейчас, только в театре, в гримерке. Я и согласился. Ну и отвел он меня... к одному старичку-магу. Это я потом уже понял, что он маг, поначалу вообще ни во что не врубился, ясное дело. Самое смешное, что они Светлые оба – и знакомый мой, и старичок. А я в итоге как-то незаметно к Тьме склонился. Сам толком не понимаю почему. А... ты давно?

– Я давно, – со вздохом ответил Швед. – Еще при Брежнев.

– Значит, на «Плешь» ты уже Иным приезжал?

– Ну а как ты думаешь? На первую я не попал, в морях пропадал, а на вторую как раз и заявился, в восемьдесят восьмом.

Пашка вздохнул, вспоминая:

– То-то мне уши насквозь прожужжали, как на некоем монстре из Николаева все девчонки висли...

– Да прям, так уж и все! Люди обожают преувеличивать. К тому же на «Плехи» сплошь фантасты... Ты вот лучше что скажи: Сидоров о тебе, случайно, не в курсе?

– Нет. А должен быть в курсе? – удивился Пашка.

– Мало ли... Я ему тоже не открывался. Пожалуй, так и оставим.

– Я вообще никому не говорил. Даже брату. Жаль, что он в этом смысле оказался безнадежен. Вдвоем легче было бы. Я никак не привыкну...

– Научился чему-нибудь полезному?

– Да... Но по мелочи, бытовухе в основном. В Сумрак ходить, глаза отводить, здоровье поправлять. Актер мой Светлый скрепя сердце обещал с практикующей ведьмой познакомиться – вроде есть одна заядлая театралка. Дружбы они, сам понимаешь, особой не водят, но здороваются. А раз уж я стал Темным, не Светлому же магу меня обучать?

– Это понятно...

«Да, – подумал Швед с легкой горечью. – Вот она – беда провинциальных городов: Иных и поучить толком некому. Это в столице настоящие школы для свежеинициированных существуют – у Темных своя, у Светлых своя. Даже в Питере с этим беда, по другой, правда, причине, но все-таки! Опять Москва впереди России всей».

– Сманить тебя, что ли, с твоего лоцман-бота? – не очень уверенно предложил Швед. – Я, конечно, не супер, но кое-чем поделиться могу. В Дозоре оперативником служил, многому научили.

– А и смани! – охотно согласился Пашка. – Для начала – в отпуск. Я еще прошлый не отгулял, могу два подряд оформить. С некоторых пор это просто!

И он многозначительно подмигнул.

Тут разговор пришлось прервать, поскольку явился Сидоров с курицей. Потом сбегал в дом еще раз и принес остальное.

– Ну что, гости дорогие, продолжим? Наливай, Пашка!

Пашка налил. И время потекло на удивление незаметно. Потом, конечно же, пришлось ходить в местный ларек за добавкой, уже в сумерках, а около одиннадцати Швед решительно поднялся и стал прощаться. Пора было снова пройти через кладбище к трассе и вызывать такси.

Напоследок Швед и Пашка обменялись телефонами.

«Не помешает, – размышлял Швед, пролезая сквозь заборную дыру. – Много ли я крымских Иных знаю? Сегодня – плюс один. Вдруг и правда сманю...»

* * *

Из такси Швед вышел загодя, у камня-памятника с якорем, в самом начале бухты. Левый ее оком был богато и празднично подсвечен – сплошные ресторанчики, кафе и отели. Играла музыка, гуляли люди. До полуночи оставалось минут пятнадцать, самое курортное время.

Правая сторона, она же Таврическая набережная, со всем этим великолепием сильно контрастировала. Печать былой индустриальности и нынешней заброшенности чувствовалась здесь очень остро. Слева, со стороны воды – забор с колючкой поверху, справа – дикий склон холма, темный и мрачный.

Швед быстро пошел вперед, сначала мимо забора, потом вдоль бывших гаражей с забранными свежей кирпичной кладкой воротами, мимо входа в тоннели советской базы подлодок,

мимо строек и ветхих пакгаузов, чьи стены покрывали многослойные граффити. Дорога изгибалась и вилась, повторяя очертания бухты и облизывая углы ближних к воде зданий.

Он чуть не проскочил домик Юсуповых; только увидев три характерные арки, сообразил, что пришел.

Домик являл собой плачевное зрелище. Еще чуть-чуть – и его смело можно будет именовать не домиком, а развалинами. Внутри было темно и пусто. Швед знал, что там где-то есть полуразрушенная лестница на второй этаж, но ближе к нему нужно лезть в пролом левой стены, потому что верхних ступеней лестница попросту не имеет, давно искрошились и обрушились. Входы непосредственно у домика были забраны ржавыми, но все еще крепкими решетками, а в Сумрак вот так, с ходу, соваться не хотелось, поэтому пришлось пройти по дороге дальше, метров тридцать, взобраться на склон по натоптанной тропинке и вернуться к забору. Забор также сильно обветшал – угловая его часть, где полагалось сходить к плечу, которое вдоль дороги, с перпендикулярным, начисто отсутствовала. Тропинка вела как раз в эту широкую щель.

Швед прошел по дворику, прилегающему к дому. На фоне стены выделялись четыре узких вертикальных окна на втором этаже, а на первом – одно слева, у самого склона, и рядом прямоугольник побольше размерами – дверной проем. Между дверью и нижним окном обильно рос высокий кустарник с редкими ветвями и листьями, достигая верхушками верхних окон.

«Фестиваль необычных окон продолжается», – подумал Швед мельком.

Теперь он находился над дорогой, в густой тени. Оттого, что противоположная сторона бухты сияла на манер новогодней елки, тьма в доме выглядела еще непрогляднее.

«Подсветить, что ли? – подумал Швед озабоченно. – А то недолго и ноги переломать...»

Он полез в карман за телефоном, но потом задумался. Зачем-то же Кондор назначил встречу ночью, да еще в таком неоднозначном месте? Наверное, не стремится быть на виду. И тут Швед со своим фонариком в телефоне – как маяк на морском берегу, любой заметит.

Можно было решить проблему методом Иных: наколдовать «кошку» или «серый свет». Экономно и непритязательно. Однако пользоваться сейчас магией – по сути, включать тот же маяк, только уже не для любого встречного-поперечного, а исключительно для тех, кто умеет ходить в Сумрак.

Несколько минут Швед мучился выбором, стоя у самого дома. Потом припомнил разговор с Кондором. Внутри заходить вроде бы никто его не призывал, было сказано только: «Будь там».

Ну вот, Швед здесь. Пусть теперь Кондор его ищет, Кондору проще, он вампир, с ночью на «ты».

Телефон пришлось все же добыть из кармана – посмотреть время. Было две минуты первого.

И Швед стал ждать, привалившись к стене плечом.

Долго ничего не происходило. Минуты тянулись медленно и мучительно, в доме по-прежнему было тихо, на противоположной стороне умеренно бумкали музыкальные басы. Над морем и Балаклавой нависли звезды – Швед представил, что вполне может заметить на их фоне мелькнувший силуэт крупной летучей мыши, но пока ничего не замечал.

По ощущениям прошло минут пятнадцать. Часы подсказали: на самом деле девять.

«Интересно, – подумал Швед, – прилетит Кондор или просто придет, как человек? Или снова возникнет из ниоткуда?»

Высшие вампиры вроде бы владеют одной из разновидностей телепортации. Слухи такие, во всяком случае, ходят. Сильные маги умеют открывать транспортные порталы, пусть это энергетически затратно и вообще довольно трудно. Ведьмы и ведьмаки практикуют какой-то

пространственный фокус, привязанный к силе земли, – выглядит как прыжок через пустоту. Тоже своего рода телепортация...

У всех свои методы и хитрости.

*Вот опять встают за спиною горы,
И дорога ложится под колесо,*

– доносился голос певца откуда-то с противоположной стороны бухты.

Швед невольно прислушался. Мелодия была бодренькая, незатейливая, но приятная.

*Вот опять позвали меня просторы,
И ударил ветер свежий в лицо.
Этот мир я объездил от края до края —
Бесконечный, цветущий, безоблачный сад.
Очень жаль, что тебя я теперь покидаю,
Но я верю: сумею вернуться назад.
И вблизи, и вдали, что бы мне ни сказали,
Не забуду об этой стране.
И во сне, и в мечтах на коротком привале
Ты все чаще приходишь ко мне.
Ты все чаще приходишь ко мне.*

Некоторое время солировала гитара, почти без перегруза, на легеньком кранче. Потом снова пошел текст:

*Кем я стал – я и сам не вполне понимаю.
Иль бродягой, что любит далекий свой дом?
Домоседом, что дома сидеть не желает
И уходит любым подходящим путем?*

«Родственная душа, – подумал Швед под очередной припев. – Тоже ему дома не сидится. Да и есть у него дом вообще?»

Едва певец несколько раз повторил свое: «Ты все чаще приходишь ко мне!», внутри дома, в густой тьме, что-то тихо стукнуло, словно со второго этажа или с лестницы упал случайно задетый кирпич.

Швед насторожился и на всякий случай ушел в Сумрак.

Дом стал выглядеть еще несчастнее: если в обычном мире его остов казался обыкновенной развалиной, то в Сумраке стены и перекрытия словно термиты изглодали – если бы термиты умели грызть камень. Но Швед не смотрел на стены, он смотрел в центр помещения первого этажа, на слабо светящийся силуэт.

Для Иного, даже в сумеречном облике, он был слишком мал. И ауру имел не человеческую. Тусклее, проще и жиже.

«Собака, что ли?» – Швед вывалился назад, в крымскую ночь, и шагнул к дверному проему. Но в доме было слишком темно, хоть глаз коли. Чертыхнувшись, Швед все-таки достал телефон и врубил фонарик.

Намного светлее не стало, но хотя бы контуры помещения обозначились. Было оно небольшим, меньше, чем можно ожидать. Прямо у входа, слева, стала видна та самая лестница на второй этаж, а напротив располагался второй дверной проем, внутренний, ведущий, судя по всему, в комнату с тремя арками – их силуэт подсвечивался иллюминацией с противополож-

ного берега. На пороге этого второго проема стояла собака. Свет фонарика заставил ее глаза зловеще блеснуть.

Все-таки собака. Обычная некрупная дворняга.

Швед молча стоял и глядел на нее. Собака неподвижно застыла в проходе и глядела на Шведа в ответ, но в ее позе безошибочно угадывалась готовность в любой момент пуститься наутек.

Игру в гляделки выиграл человек. Секунд через двадцать псина неожиданно шустро крутнулась на месте и скрылась из виду. При этом ее действия не выглядели как бегство – скорее как отступление без потери лица. Или применительно к собаке следует говорить «без потери морды»?

Так или иначе, дворняга убралась. Швед подумал, вошел наконец в дом и некоторое время озирался, водя фонариком направо-налево и вверх-вниз. Справа тоже располагалось какое-то помещение, но вход туда был почти по пояс завален бетонными блоками и битым камнем. Вроде и можно пролезть, а не хочется. Идти прямо, в комнату с арками, незачем: там он сразу станет виден с дороги, с воды, да и с противоположного берега, наверное, тоже. Подняться повыше?

Швед стал глядеть налево от входа. Нижний лестничный пролет был более-менее цел, а вот верхний действительно сохранился только частично, снизу. Не хватало нескольких последних ступеней, остались только два швеллера, напоминающие рельсы, на которые недостающие ступени когда-то опирались. И в стене рядом с полулестницей действительно виднелся пролом – довольно маленький; если лезть, непременно потом придется строительную пыль с одежды стряхивать.

Вообще говоря, лестница особого доверия не внушала. Но внутри что-то настырно подталкивало Шведа: поднимись! Поднимись! Пресловутое чутье Иного? Возможно...

Он с опаской взошел на первую ступеньку – и ничего худого не произошло, бетон есть бетон, даже старый. Лестничный пролет был незыблем, как скалы Ай-Петри. Правда, уступал по красоте.

Кряхтя, Швед протиснулся в низкий, чуть ниже уровня пояса лаз; изгваздался при этом в пылище – как в воду глядел.

Ну, и что дальше?

Комната наверху мало отличалась от нижних. То же запустение, кое-где битый камень на полу. Из углов пованивало дерьмом средней застарелости.

Взгляд зацепился за пятнышко посреди комнаты – чуть более темное, чем пол в целом. Что-то там валялось небольшое, с пачку сигарет размером. И снова Шведа ожгло предчувствием.

Он провалился в Сумрак и сразу разглядел в окружающей серости сдержанное свечение. Именно там, на полу посреди комнаты. Оно не было опасным, и Швед без труда считал, чьи руки обронили или оставили здесь эту вещь.

Здравый смысл подсказывал, что находку надо подобрать. И сделать это не в Сумраке, а в обычном мире. Так, на всякий случай.

Швед вернулся в реал. Осторожно ступая, он приблизился к находке и, подсвечивая себе, так же осторожно взял в руки. Небольшой кожаный мешочек; горловина его затягивалась тонким шелковым шнурком. Когда Швед заглянул внутрь, свет фонарика отразился от неровных граней десятка драгоценных камней размерами от горошины до финика. Обработанных среди них не было ни одного, все дикие. И еще там был тонкий стержень размером с короткую авто-ручку, с одного конца слегка заостренный, а с другого – расплющенный в маленькую лопаточку. Тоже из какого-то камня или самоцвета, но, в отличие от всего остального в мешочке, без малейшего намека на прозрачность. Цветом и волокнистым узором стерженек напоминал яшму и, вполне вероятно, из нее и был сработан. Общее ощущение и от мешочка, и от содер-

жимого не было тревожным; безусловно, все это не единожды побывало в руках Иных, но от каждого камешка и особенно от стерженька веяло не столько магией, сколько Временем. Именно так – с большой буквы.

Часы телефона показывали двадцать три минуты первого.

«Подожду, – решил Швед. – Спешить мне некуда...»

В очередной раз подсветив, он вернулся на лестницу, выбрал ступеньку почище и присел. Не заснуть бы...

Швед провел в доме еще часа полтора, но Кондор так и не появился. Около двух ночи решение уходить оформилось окончательно.

В сталкера сегодня Швед играть не стал: тем же путем покинул дом, спустился по тропинке на дорогу и позвонил в службу такси.

Глава вторая

Первые дни после визита в охотничий домик Юсупова Швед провел в напряженном ожидании. Телефонного звонка, неожиданной встречи где-нибудь в кафе или на улицах Севастополя, вызова по скайпу – любого способа выйти на связь, кроме разве что бумажного письма. В силу возраста Швед еще помнил бумажные письма. В восьмидесятые и самом начале девяностых довелось их и получать, и отправлять, но уже к исходу двадцатого века мобильники и электронная почта начертали жирный крест на традиционном человеческом методе удаленного общения. Теперь, обнаружив в супе лавровый лист, говорили не «письмо получу», а «имейл придет».

Однако день за днем истекла неделя, а со Шведом так никто и не связался. Он тихо недоумевал, постепенно склоняясь к мысли, что надо бы выйти на связь самостоятельно. Поскольку никаких координат Кондора не имелось, следовало, наверное, написать Завулону. Личного телефона шефа Дневного Дозора Москвы Швед не знал, хотя в прежние годы Завулон несколько раз звонил ему. Сам. Номер, естественно, не определялся, так что связь была в высшей степени анизотропная. При нужде российские Темные обычно набирали московский офис, излагали проблему, и Завулон, если признавал проблему значимой, либо связывался сам, либо озадачивал кого-нибудь из подчиненных.

Шведу довелось недолгое время посидеть в начальственных креслах: сначала шефа Причерноморского Дозора, а спустя некоторое время Киевского, так что он в определенном смысле был ближе к Завулону, нежели большинство Иных сопоставимой силы. В конце концов, Завулон Шведа знал лично, пусть недолго и не так, наверное, близко, как своих старинных приятелей из элиты, однако из толпы середняков, не поспоришь, выделял.

Правда, телефон свой так и не рассекретил. Ни раньше, ни теперь.

Впрочем, общение голосом Швед недолюбливал; еще до переезда в Крым он пристрастился к общению по скайпу, видеозвонкам предпочитая кондовый текстовый чат, как во времена ICQ. Окружающий народ давно уже сбежал в мессенджеры поновее и помоднее, кто в телеграм, кто еще куда, а Швед так и сидел в старом привычном скайпе.

Поэтому на восьмой день он стер-таки пыль с ноутбука, запустил скайп и написал в чат, где обычно возникал Завулон, когда Швед ему по какой-то причине бывал нужен:

«Шеф, Кондор куда-то пропал. Что делать?»

Чат был тот самый, посредством которого (правда, в видеорежиме) Завулон десять лет назад велел откочевывать из Киева в Крым.

Ответ пришел через два дня. Короткий и неожиданный:

«Какой еще Кондор?»

Швед, конечно, удивился, но даже в этот момент продолжал считать Кондора посланцем Завулона. Решил, что шеф просто замотался, отвлекся и забыл. Поэтому он как мог дипломатично сформулировал ответ:

«Ну, тот, который привез ваше поручение насчет книги».

Скорее всего, первые смутные подозрения насчет Кондора появились у Шведа именно в этот момент, но полного осознания пока не случилось.

Поскольку на первое сообщение шеф среагировал достаточно быстро, имелись все основания полагать, что и со вторым он тянуть не станет. Однако прошло целых пять дней – и ни гу-гу. В скайпе Швед волей-неволей пообщался с рядом людей, с которыми не связывался годами, но Иных среди них не было ни единого. Большинство разговоров свелись к совету не дурить и поставить уже телеграм.

На шестой день около десяти утра Шведа разбудила Ниночка, подав к дивану кофе и свежую распечатку. Швед, одновременно и продирая, и протирая глаза, принял и прочел:

«Симферополь, улица Крейзера, дом 8, входи во двор, дальше разберешься. Выезжай прямо сейчас».

И затейливый вензель, которым обычно подписывался Завулон, хотя как его передавать через информационные сети, а потом воспроизводить на принтере – было совершенно непонятно. В Сумраке вензель, между прочим, светился.

Швед прочел и перевел взгляд с распечатки на Ниночку.

– Пришло по обычному каналу семь минут назад! – бодро доложила та и выдохнула: – Фух! Вокруг дома пришлось бежать! Шеф, можно я отлучусь, я же ничего не успела, ни одеться толком, ни накраситься...

Ниночка и впрямь облачена была не в деловое-летнее, а в драные джинсы и черную майку а-ля Сара Коннор. В положенных местах майка натягивалась довольно-таки туго, да и под джинсами угадывалось много интересного. Ну и легкая, но красивая «паранджа» на лице, куда ж девице без нее?

– А кофе-то зачем? – недоумевающе поинтересовался Швед.

– Не надо? – Ниночка явно обрадовалась. – Тогда я сама выпью!

Швед только рукой на нее махнул: иди, мол.

Умыться-собраться – дело недолгое. Такси вызывать не имело смысла: до автовокзала ходили замечательные троллейбусы, без толкотни, зато с кондиционером. А такси еще поди дождись, особенно в начале лета.

В Симферополе он был через два часа с небольшим, причем с самого начала даже магией пользоваться не пришлось: ни очереди за билетами, ни долгого ожидания автобуса, а как автобус подошел – поехали почти сразу. Еще и место оказалось удобное, с видом в лобовое стекло. И кондиционер рабочий – к счастью, древние украинские «Эталоны», кошмар крымских междугородних трасс, недавно посписывали в металлолом, и Севастополь наполнился жизнерадостно-белыми автобусами российских марок. Местные по привычке называли их топиками. Нет, в них наверняка полно импортных деталей, но какая по большому счету пассажирам разница? Марки-то свои, КАВЗы да ПАЗики. А топики хорошие, уютные. Означенные два часа Швед добросовестно подремал, иногда приоткрывая глаза и поглядывая на стремительно летящие навстречу таврические пейзажи.

Единственный раз, когда магией Швед все-таки воспользовался, – подтолкнул шофера поехать в Симферополе не по Кирова и Александра Невского, а по Маяковской и Гоголя. Как раз на углу Гоголя и Крейзера и вышел, сказав водиле спасибо и наложив простенькое и безвредное заклинание с говорящим названием «забудь».

Нужный дом был совсем близко, Швед даже ноги толком размять не успел. Как и велено, вошел через ворота во внутренний дворик и сразу понял, что означало «там разберешься». Незатейливые магические метки-стрелочки, невидимые посторонним. Нужно было свернуть направо, войти в здание, подняться на второй этаж и...

Последняя метка располагалась прямо на двери и стрелочкой не являлась, скорее походила на мишень с крестиком и парой концентрических окружностей.

Швед постучал и ощутил адресованное только ему: «Входи!»

За дверью обнаружился гостиничный номер, чрезвычайно простенький, без столичных понтов, зато довольно просторный, на два окна. Прямо напротив входа, у правого окна, располагался диван, а перед ним – журнальный столик. На диване с бокалом в руке сидел Юрий – второе лицо московского Дневного Дозора и официальный куратор белорусского. Швед знал, что он на несколько лет уезжал в Минск реформировать тамошний Дозор, но потом Завулон вернул его в Москву, вменив в обязанности приглядывать за Белоруссией.

Ближе к левой, дальней стене на большой двуспальной кровати возлежал, закинув руки за голову, Завулон. Он был одет; без пиджака, правда. И обут. Такое впечатление, что вошел в номер и сразу решил прилечь, отдохнуть.

– Здравствуйте! – поздоровался Швед.

Юрий кивнул, глядя в основном на игру света в наполнявшей бокал жидкости. Вид он сохранял аристократически-скучающий. Завулон, не меняя позы, перевел взгляд на Шведа.

– Здорово, Темный, – сказал шеф буднично. – Как ты тут, в Тавриде? Обжился?

Швед пожал плечами и кратко ответил:

– Как вы и велели... Все бросил и из Киева уехал. Вот... сижу тут... в ожидании.

Завулон вдруг порывисто вскинулся и сменил лежачее положение на сидячее, чуть наклонившись вперед и опершись локтями о колени.

– Возьми стул, чего встал столбом... – проворчал он почти добродушно.

Швед повертел головой. Стульев в номере было два, один далеко, у кровати Завулона, второй – ближе, в углу, у дивана. Выбрал, естественно, ближний.

– Давай-давай, рассказывай, чего там у тебя стряслось и что там за Кондор? И хорошо бы это не оказалось пустышкой, а то получится, что мы зря ехали сюда из Краснодара.

Швед сжато пересказал встречу с вампиром в Балаклаве, разговор о книге, визит в квартиру на Годлевского, потом напрасное ожидание в домике Юсупова и под конец попытался как-то передать собственное недоумение от всего произошедшего. Его не перебивали, хотя по глазам Завулона стало понятно, что теперь шеф заинтересовался еще сильнее; иначе зачем вообще маги такого уровня тащились сюда из Краснодара – или откуда они там прибыли в Симферополь на самом деле?

Когда Швед закончил, Завулон первым делом уточнил:

– Кондор сам сказал, что приехал с поручением от меня, или это ты так решил и озвучил, а он не стал поправлять?

Швед, по правде говоря, толком не помнил подробностей, а восстанавливать память заклинанием было как-то неловко, поэтому он положился на интуицию и необъяснимую внутреннюю уверенность:

– Скорее второе.

– Скорее? Или второе? – переспросил Завулон, раздражаясь.

– Ну, в общем, впрямую он не говорил, а уточнять мне в голову не пришло. Вампир все-таки... Старый, высший, не мне ровня. Да и... вы же мне тогда, десять лет назад, сказали: «Ты понадобишься мне в Севастополе». Я и ждал все эти годы... Между прочим, как раз перед встречей с Кондором я впервые задумался: какого хрена я тут вообще торчу и сколько еще предстоит торчать? И тут бац – первый сильный Темный с киевских времен передо мной. Что я еще должен был подумать?

– Что угодно, лишь бы без последствий. – Завулон несколько смягчился.

Тут Шведа осенило:

– Кстати! Кондор же мне запечатление передал! После него у меня последние сомнения и исчезли. Вынимайте...

Швед торопливо открылся. Завулон одним экономным пассом и считал запечатление, и «отволлейболил» его Юрию. Тот по-прежнему таращился в бокал и выглядел все так же отстраненно.

– Ух ты! – сказал Завулон через пару секунд. И не без восхищения добавил:

– Зацени, Юра! А ведь основа действительно моя. Узнаешь?

Заместитель шефа наконец-то изволил шевельнуть головой. Кивнул. Узнал, стало быть.

Швед с интересом ждал продолжения.

– То, что у тебя в кармане, в правом. Это откуда? – спросил Завулон требовательно.

В кармане Швед привез найденный в доме Юсупова кисет с камешками. В последний момент перед отъездом вспомнил о нем и захватил с собой. Правильно, значит, сделал. Швед спешно полез в карман, вынул кисет-мешочек, но Завулон внезапно жестом остановил его:

– Дай-ка угадаю! Там необработанные драгоценные камни?

Швед кивнул, без особого удивления.

– И во время разговора Кондор вертел один или пару из них в руках? И, скорее всего, показывал тебе?

– Точно! – подтвердил Швед, встал, взял кисет за шнурок-завязку и преподнес Завулону, после чего вернулся на место.

– всплыл-таки князюшка наш, – сварливо произнес Юрий. – Старая перечница...

– Это с твоей точки зрения старая. – Завулон усмехнулся, как всегда, кривовато и чуточку зловеще.

Его то ли улыбка, то ли, вернее сказать, ухмылка давала надежду на то, что происшествие с Кондором все же не содержит в себе ничего фатального, начальство слегка пожурит Шведа за напрасный крюк из Краснодара, потом москвичи пару дней прокутят, либо прямо в Симферополе, либо где-нибудь на море. Вероятнее, что сами, но, может, и Шведа с собой прихватят: ранее, случалось, прихватывали. И все вернется на круги своя: Завулон с Юрием укатят в Первопрестольную, а Швед останется на своей непонятной крымской вахте.

Однако надеялся Швед зря: ничего еще не закончилось.

– Про книгу подробнее что знаешь? – вернулся к допросу Завулон.

Швед, снова непроизвольно пожав плечами, припомнил словесное описание:

– На вид старая, в коже, с металлической застежкой. Как я понял, к ней – в смысле, к застежке, а не к книге – опасно прикасаться, а уносить книгу Кондор велел в полотняной сумке с заранее наложенной фиточарой. А самое интересное, что книга никак не называется и страницы у нее чистые. Без текста. И без рисунков.

Вроде бы и лица у шефа с замом не дрогнули, и поз они не изменили, но именно в этот момент Швед отчетливо понял: после его реплики все внезапно вывернулось совсем в другую от желаемой сторону. И недавно вспыхнувшая надежда на беспроблемный исход канула куда-то глубоко в нижние слои Сумрака.

Завулон раскрыл кисет Кондора и с каменным лицом заглянул туда. Осторожно, словно ядовитое насекомое, вынул яшмовый стерженек и внимательно его осмотрел. Кажется, и в Сумраке тоже.

– Твою же ж мать, – тихо сказал Завулон по-русски, а потом добавил еще несколько слов на незнакомом Шведу языке. Тоже, несомненно, ругательных.

Юрий залпом влил в себя все, что было в бокале, поставил его на столик и нервно встал. Завулон мрачно поглядел на зама.

– Сядь, не мельтеши, – сказал Завулон, и Юрий нехотя опустился на диван. А шеф снова обратился к Шведу:

– Ну-ка, парень, откройся еще разок! Так проще, чем тянуть из тебя нужное по капле. Лишнего не возьму, тайного не трону.

И сотворил малый знак Темного Зарока.

Шведу, понятное дело, стало еще страшнее, но перечить он не мог и не смел. Потверже оперся о спинку стула и открылся.

Очнулся Швед на полу. Над ним склонился, присев на одно колено, Юрий и несильно, даже можно сказать – бережно, шлепал ладонью по щекам. Судя по умеренно горячей физиономии, успел шлепнуть раз десять.

– Ожил! – Юрий опустил в очередной раз занесенную руку. – Вставай тогда. Давай, помогу.

Помощь оказалась не лишней: Шведа при попытке выпрямиться неслабо качнуло. Но через десяток секунд он опять сидел на стуле, и сидел сравнительно прямо. Завулон, как и раньше, занимал краешек кровати, чуть наклонившись вперед, опираясь локтями о колени и сцепив ладони в замок.

– Вот такая хрень, брат-Темный, – сказал он задумчиво.

Швед молча ожидал – что же дальше.

Примерно через полминуты Завулон встрепенулся, внимательно посмотрел на Юрия, словно что-то выверял и взвешивал в уме, потом вздохнул и распорядился:

– Просвети пока юношу! Я скоро.

И ушел в Сумрак.

Швед и Юрий остались в номере вдвоем. Честно говоря, Швед не помнил, оставался ли когда-нибудь со вторым по силе московским Темным с глазу на глаз. Кажется, никогда прежде. Даже Завулону Швед знал лучше, чем Юрия.

– Пить будешь? – спросил Юрий буднично. Будто и не случилось ничего.

– А что там у вас?

– Сотерн. Хороший.

– Буду.

Юрий непонятно откуда, как фокусник, вынул непривычного вида бутылку и второй бокал – из Сумрака, что ли? Наполнил, добавил себе тоже и снова убрал бутылку куда-то за подкладку мироздания. Швед ощущал довольно мощную незнакомую магию, но действия Юрия не понимал и не успевал отследить.

Сотерн оказался превосходный.

Юрий тоже пригубил и наконец-то заговорил:

– Значит, так. Раз велено – просвещаю. Кондор – это князь Юсупов, Николай Борисович – младший. Последний истинный Юсупов, если считать по мужской крови. Вампир, как и все Юсуповы. Это первое. Второе: Пустая Книга – старинный артефакт. До такой степени старинный, что происхождение его сокрыто в безднах времен. Скорее всего, Книга старше Иных и вообще старше людей. Ее страницы действительно пусты, почти всегда. Но! Изредка, если я правильно помню – раз в шестьдесят пять лет, при определенных условиях в ней ненадолго может возникнуть коротенький текст в несколько строк. Воспринять его сумеет не всякий; чаще всего смысл этих строк так и остается непонят. Среди Иных ходят невнятные слухи, будто возня с этими текстами – на самом деле попытка довести до рабочего состояния древние заклинания большой мощи. Или забытые, или вновь ожившие – рассказывают по-разному. В целом это байки, конечно. Даже ты знаешь, что работающее заклинание одними словами не записать. Да и древних языков давно уже никто не помнит. Однако если отбросить байки и обратиться к чистому знанию, мнение сведущих Иных таково: Пустая Книга действительно может помочь в фиксации доселе нераспространенных заклинаний. Другими словами, если она попадет в руки практикующего мага с большим опытом, обширными знаниями и сильной волей – результат непредсказуем, и есть подозрения, что в старину такое несколько раз происходило. Последствия всякий раз оказывались разрушительными, чтобы не сказать катастрофичными. Все та же молва практически все потрясения в истории человеческой цивилизации вроде войн, эпидемий и прочих катаклизмов, включая Всемирный Потоп, приписывает как раз попыткам реализовать на практике работу с Пустой Книгой. Вряд ли это в действительности так, люди и без всяких книг готовы резать друг друга миллионами, а извержение какой-нибудь Тамборы магией не вызовешь, хоть ты весь язык о заклинаниях сотри. Но за некоторыми бедами маги, работавшие с Пустой Книгой, так или иначе стоят. Между прочим, чаще это были Светлые маги, включая еще Светлого Мерлина, а также Гесера и Иоскеху. Инквизиция, опять же, отметилась: Кармадон Совиная Голова, ты его должен знать, и Торквемада, только не всем известный Томас, а еще отец его, Хуан. Ну и наши, Темные, тоже кое-чего натворили, не без этого – ифрита бин Мансура хотя бы вспомнить. Который также звался Абдалла Усуф аль-Хазред. Или божественную Кали. В итоге Пресветлый Гесер пришел к выводу, что эксперименты с Книгой следует прекратить, и его в целом поддержал даже охочий до древностей Совиная Голова, а значит, и вся европейская Инквизиция скопом. Их и прекратили – лет триста назад, специальным эдиктом. Собственно, о Пустой Книге ко дню сегодняшнему уже стали

забывать, как ты сам понимаешь – к облегчению многих посвященных. И тут внезапно ты со своим Кондором...

Юрий прервался, а Швед сообразил, что слушает чуть приоткрыв рот, как ребенок волшебную сказку.

В определенном смысле – так все и обстояло.

– Теперь о странном, – снова заговорил Юрий. – Юсуповы, конечно, вампиры старые и очень сильные, даже младший Николай и даже оба митохондриальных Феликсовича. Но они вампиры, а не маги. Сомневаюсь, что кто-нибудь из них способен самостоятельно совладать с Пустой Книгой. Так что кто-то за господином Кондором определенно стоит, и можешь представить, какой это силы Иной, если двухсотлетний вампир у него за подручного.

– А это обязательно маг? – выпалил Швед, потому что не смог сдержаться.

– Нет, необязательно, – пожал плечами Юрий. – Возможно – колдун, любой. Возможно – Светлый чародей. Возможно – джинн или, если Темный, – ифрит. Даже ведьмак или ведьма могут интересоваться... но не вампир же!

– А вы киевлянина Рублева помните? Он вообще-то оборотень, но при этом и маг тоже. И довольно сильный!

Оказалось, Юрий Рублева не забыл:

– А, канис-громовержец! Как же, как же! А к чему ты его вспомнил?

– Вдруг и Кондор этот по природе дуал – маг-вампир?

– Вряд ли. Юсуповы всегда на виду. Был бы Кондор-Николай магом – я бы знал. Да и... как бы это сформулировать попонятнее... Он всегда больше интересовался музыкой, живописью и драгоценностями, чем магией. Хотя...

Юрий внезапно умолк, словно вспомнил нечто чрезвычайно важное и сейчас соображает, следует ли в это посвящать сопляка-Шведа.

– Что?

Швед вздрогнул. Спрашивал не он. Юрий сам себя спрашивать не мог, а в номере еще секунду назад они были вдвоем, больше никого.

Еще секундой позже Швед понял. Во-первых, узнал голос. А во-вторых – увидел. Завулон вернулся из Сумрака и сидел на прежнем месте.

Юрий, не выказывая удивления, повернулся к шефу:

– Я сейчас сообразил, что Николай-младший одно время служил в Петербургской публичной библиотеке. Чуть ли не директором.

– Помощником директора, – уточнил Завулон сварливо. – А дед его Эрмиажем заведовал, тоже любопытное место с любопытными экспонатами. Как раз подобные прощелыги и интересуются всякими запретными книгами. Но ты додумался, молодец!

– Благодарю! – Юрий ничуть не смутился, судя по тону. Он шутливо отсалютовал Завулону бокалом и пригубил сотерна.

– Ввел молодого в курс? – спросил Завулон.

– Ввел. Но ты же знаешь: такого рода артефакты – не мой конек. Что вспомнил, то и рассказал.

Швед подумал, что сидеть вполоборота к шефу неловко, и повернулся вместе со стулом – ножки противно закрипели о плитку.

Завулон дождался тишины и с некоторым пафосом объявил:

– Ну что, господа? Некоторое шевеление действительно происходит. Позавчера в Севастополь прибыли двое порученцев Европейского Бюро Инквизиции. Само по себе это еще ни о чем не говорит, конечно. Но до вчерашнего дня европейская Инквизиция не интересовалась Севастополем со времен Первой обороны и бравого матроса Кошки, грозы полевых кухонь. Однако хуже всего не это.

Завулон сделал эффектную паузу, во время которой у Шведа аж мурашки по коже пробежались.

– Хуже всего, что на сцене уже отметился сам Пресветлый Гесер. Неделю назад он посетил усадьбу Архангельское под Красногорском. Более всего его заинтересовали павильон Каприз и Чайный домик. Знаешь, что раньше располагалось в этом павильоне?

С последними словами Завулон в упор поглядел на Шведа, стало быть, вопрос адресовался ему.

– Что? – выдавил Швед.

Завулон не стал тянуть интригу за хвост и ответил, просто и коротко:

– Юсуповская библиотека. Если совсем точно – особая ее часть, закрытая. Основная часть помещалась на втором этаже главной усадьбы, но самое ценное Юсупов без особой огласки перенес в тот самый отдельный павильон. Именно туда Гесер и нанес визит.

– А смысл? – вклинился Юрий. – Все равно усадьба была разграблена еще в восемьсот двенадцатом. Среди наполеоновских офицеров было немало Иных. Если книга хранилась в Архангельском, неважно – во дворце или в Капризе, ее давно прибрали к рукам.

Завулон осклабился – чуточку хищно, чуточку иронично, как умел только он:

– Мы вообще не знаем, владели ли Юсуповы Пустой Книгой. Доказательств этому никаких нет – по крайней мере, мне они неизвестны. Тут другое для нас важно: сам факт, что Гесер заинтересовался и вынюхивает. Гесер никогда не вмешивается во второстепенные дела – только в особо важные. И крайне редко действует лично: мало у него подручных, что ли? Но в Архангельское он ездил, причем, если не считать шофера, – сам, без других дозорных. А значит, поступим мы так...

Завулон хлопнул ладонями по бедрам и порывисто встал.

– Ты! – Он ткнул в Шведа указательным пальцем, словно намеревался пронзить насквозь. К счастью, не дотянулся: от пальца до груди осталось около полуметра пустого пространства. – Ты поедешь назад, в Севастополь, и примешься ждать. Скорее всего, первыми на тебя выйдут Светлые. Потом Инквизиция. Не исключая, что внезапно объявится Кондор, такое тоже возможно. Задание твое обычное, Швед! Слушать, запоминать, делать выводы.

«Ух ты! Меня назвали по имени! – осознал Швед. – Что-то нерядовое грядет? Когда я нужен, Высшие мигом вспоминают и имена, и прозвища, и телефоны, и адреса. А если не нужен – максимум: “Эй, Темный!”»

– Тебе сейчас очень хочется спросить: а что говорить им всем? – продолжал Завулон.

Тут он попал в самую точку, потому что Швед, как обычно случалось, знал очень мало и, увы, весьма плохо представлял, что конкретно от него требуется.

– Все просто: отвечай на вопросы и при этом говори правду. Тогда точно не запутаешься. И не бойся правды: все равно ты знаешь меньше Гесера и инквизиторов. Поэтому ничего важного и не выболтаешь. Прикажут отвести в квартиру на Годлевского – веди. Прикажут ехать в Балаклаву в охотничий домик – езжай. Делай все, что прикажут, кроме одного: не открывайся им, как сейчас мне. Только если будет официальный приказ из Праги или Берна на оперативное вмешательство в память. Со всеми печатями и уведомлениями. Если такой приказ действительно будет – я тебе сообщу. Возможно, ты станешь первым, кому я об этом сообщу. Главное, чтобы ты в любой миг, в любую секунду мог рассказать мне все, что с тобой произошло по данной теме. Ты понял?

– Понял! – Швед невольно встал со стула. Встал достаточно быстро, но все же не вскочил, будто салага перед генералом.

Задание действительно было несложным. И действительно привычным. Завулон уже поручал ему это вот «смотри и запоминай», не посвящая в тонкости событий. Иногда это полезно, запустить в самую гущу, в самый водоворот кого-нибудь попроще тузов. Не шестерку, уже точно не шестерку. Скажем, десяточку. Или даже валета.

– Сбрось ему связь! – велел Завулон Юрию.
Тот со вздохом достал смартфон и произнес:
– Принимай!
На экране Швед рассмотрел QR-код, видимо, с полным мобильным контактом.
– Так это... Некуда мне принимать, – пробормотал Швед, вынимая свой допотопный мобильник. – У меня – вот...
– Кнопочник? – изумился Юрий. – Какая прелесть!
Завулон тоже высказался:
– Ну и молодежь пошла! Ретрограды и обскуранты хуже меня!
Швед растерянно стоял, сжимая в потной ладони верный «Филипс». Ну не любил он смартфоны! Но не оправдываться же?
– Пиши ручками, че! – фыркнул Юрий. – И наберешь потом, я твой номер зафиксирую...
Когда с обменом контактами было покончено, Швед осмелился задать единственный вопрос, по его мнению важный.
– Скажите, шеф... А если вдруг на меня снова выйдет Кондор, он должен понять, что я знаю: он князь Юсупов?
У Завулона вдруг сделалось непроницаемое лицо.
– Неважно, что Кондор поймет, а чего не поймет, – сказал он до оторопи серьезно. – Просто будь осторожен. Очень осторожен. Как никогда. А главное – не встречайся с ним там, где живешь ты сам или живут твои друзья.

* * *

Обычно Иные выглядят моложе своих лет – даже те, кого инициировали поздно. А те, кого еще в детстве, как Шведа, – намного моложе. Сейчас ему было пятьдесят пять. Выглядел Швед на тридцать; максимум – на тридцать пять. Это подтверждала и Ниночка, но, уточняла она, это если не глядеть в глаза. Глаза, дескать, выдают.

Швед когда впервые это от секретарши услышал – минут пять проторчал перед зеркалом, сам себе в глаза тарачился. Вроде бы ничего особенного, глаза как глаза. Такие же, как и раньше.

«Такие, да не такие! – возражала Ниночка. – У вас, шеф, даже по сравнению с Киевом глаза старше стали. Лет на десять».

Ну да, столько с тех пор и прошло. Но Швед все равно ничего особенного в зеркале не замечал, хоть убей. Ни десять лет назад, ни сейчас. Однако он хорошо помнил недоверчивые взгляды соседей по родительской квартире, где он вырос и куда периодически приезжал – кроме самых последних лет. Понять природу этих взглядов было просто: соседи старели; те, что постарше, – и вовсе умирали; сверстники Шведа давно поседели, располнели, обзавелись морщинами, очками, палочками и внуками (кое-кто и правнуками) – словом, превратились в пожилых людей. А Швед остался тем же тридцатилетним оболтусом, который в девяностые иногда орал песни под гитару и пил пиво с приятелями юности во дворе детства. С той поры прошло больше четверти века. Для обычных людей – немалый срок. Конечно, в их глазах Швед выглядел крайне подозрительно!

Кроме того, разговаривая с этими самыми поседевшими и постаревшими однокашниками, Швед не мог не отметить внутренних перемен, порою довольно глубоких. Да, сверстники перестали быть молодыми, зато набрались житейского опыта и мудрости. Не все, конечно, но у кого с мудростью было туго – те большей частью уже поумирали от всяких вредных излишеств, характерных для смутного времени перемен. Остались как раз те, кто поумнее, кто выжил в лихие девяностые и полупустые нулевые. Поначалу рядом с ними Швед почему-то чувствовал себя именно тем, кем выглядел, – ровесником их детей. Словно говорил не с теми, с кем когда-

то вместе бегал во дворе и на спортплощадке, а с теми, кто априори взрослее – почти как с учителями в родимой школе. Однако проходило несколько минут, и это чувство пропадало, начисто, потому что внутренне Швед повзрослел тоже, просто люди неверно реагировали на его моложавую внешность. И этих людей внезапная странность, конечно же, подспудно пораживала и подсознательно беспокоила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.